

СТО СОНЕТОВ ЭЛЬ БАКУВИ

**«Elm və təhsil»
БАКУ – 2018**

Редакторы: Тейфур Челеби
Юсиф Гусейнов

Сто сонетов эль Бакуви
Баку: «Elm və təhsil», 2018, 128 стр.

ISBN 978-9952-8176-0-7

© «Elm və təhsil», 2018

ŞƏRQİN DAN ULDUZU

Звезда востока, красотой дивных глаз,
Очаровали и пленили вы поэта.
Вам посвящается стихов брошюрка эта
Собрание мыслей Бакуви и точных фраз.

El Bakuvi

Fikirlərimin qarışıq vaxtı El Bakuvi yeni kitabının elektron variantını mənə təqdim etdi. İyulun dəhşətli istisi bir yandan, bir yandan da... Qanqaraldan gərək hadisələrin üzündən qəmginlik yağır, amma adından da göründüyü kimi, maraqlı olan romantik və poetik “Yüz sonet” bir az təlx ovqatına sərnilik qatdı.

Bakuvi bizim “İcmal” qəzetində rus dilində olan şeirləri ilə çıxış edəndən, hər dəfə bir sual keçirdi ürəyimdən, nədən rus dilində?

Rus dili və ədəbiyyatı istər-istəməz ömrümüzdən keçir. M. Lermontovun “Puşkinin ölümünə”, Mayakovskinin “Pasport”u, “Alına a, qalın a yana-yana, mən sovet vətəndaşıyam” və sairə.

İki kitabının redaktoru olduğum, lakin bir şey soruşmadığım dostum sonradan həm də Suraxanıda, Əmircanda bir az uzaq olsa da qonşum oldu.

El Bakuvi haqqında, köhnə tanışım, vaxtilə birlikdə işlədiyim, “Səs” qəzetinin baş redaktorunun müavini Valeh müəllim Məhərrəmli telefonla mənimlə danışanda Bakuvinin nədən rus dilində yazdığını fərqi nə vardım.

Qeyd: El Bakuvi (Eldar Hüseynov) 1954-cü ildə Bakının Suraxanı rayonunda, Əmircan qəsəbəsində doğulub. Atası Məmmədov Azər Əmirqulu oğlu ordubadlı Hacı Hejbətqulu Məmmədqulu oğlunun nəvəsi idi, anası Hüseynova Zinaida Yəhyə qızıdır. Ana tərəfdən babası Hüseynov Yəhyə Hənifə oğlu, ana

tərəfdən nənəsi, milliyəti polyak olan, Tsvetkova (Hüseynova) Mariya Borisovna ilə Ulyanovsk şəhərində tanış olublar. O zaman Mariyanın 15 yaşı var idi və o olduqca gözəl idi. Yəhyə ilk baxışdan qıza vurulur və yaxın gələcəkdə qızın ailəsinin razılıqla onu 100 qızıl pula alır. Ulyanovskdan Yəhyə, Mariya Borisovnanı birbaşa Məşhəd şəhərinə aparır və orada Mariya müsəlmançılığı qəbul edərək, Məşhədi Məryəm adını götürür. Beləliklə, bu iki nəfər ailə qurur və gələcəkdə El Bakuvinin babası və nənəsi olur.

Bakuvi rus dilli məktəbdə oxuyub...

İndi o məktəbdə Azərbaycan dili üstünlük təşkil edir.

Ümumiyyətlə, Əmircan gölü və kəndi də çox maraqlı və qədimdir. Mənim də taleyimin gəlib bura bağlanması da maraqlı bir mistika var. Ancaq ən maraqlısı da odur ki, Şamaxı şahının rəsədxana /ulduzlarla/ bağlı alimlərə hədiyyə etdiyi əzəllər “Xilə” adlanan Əmircan kəndinin /hil, hilə, xilə, boyunbağı/ özünəməxsusluğu çoxdur. Əmircana yuxarıdan baxdıqda doğrudan da boyunbağıya /hil/ oxşayır. Elm qapısı sayılan bu kənd, sonradan qəsəbə olan, öz ənənələrini hələ də saxlayır və davam etdirir. Atəşgah da Suraxanıda yerləşir.

Yadıma vaxtilə bir şeirini rus dilində oxuyub tərcümə etmək istədiyim Didronun “Az qala çal ürəyim partlayacaq, eynilə uşaqlıqdakı kimi” sətirlər düşdü.

Əmircanlı veteran şair Məmmədhüseyn Sədadan bir bənd eşitmişdim.

...Sərməyə getdi,

Sərin sərməyə getdi.

Ələyi bəhanə edib

Yarın görməyə getdi.

Bir vaxtlar Aleksandr Blokun “Noç, tyomnaya noç” sətirini belə çevirmişdim “Vaqifin şirin dili”nə, bizim dilə: “Gecə, zülmətdən zülmət gecə”. O zamankı çar rusiyasındakı qaranlıq dövrü, zamanı A. Blok belə ifadə etmişdi...

“El Bakuvinin şeirlərindəsə bir işıq var. Mən onu yaxşı görməmişdim, - Teyfur, Eldar kimdisə, rus dilini, rus ədəbiyyatını

yaxşı bilir, çox dərin bilir, rusalardan da yaxşı, çox savadlıdı” demişdi El Bakuvinin “Prişeles” /”Gəlmə”/ kitabını oxuyandan sonra mənə bunları Valeh Məhərrəmli.

Valeh Məhərrəmli mənim üçün ən yaxşı tərcüməçidir. Onun təcümeyi-halı yaradıcılığında rol oynayan tərcümələri ilə zəngin. Nostradamusun katrenlərini ən gözəl o tərcümə edib, kitab kimi çap etmişdir.

... Ərəbistan səhralarında qədimlərdə sarvanlar karvanları ulduzlara görə müəyyənləşdirib yola çıxardılar mənzilə sarı. Səhranın ortasında dincələn karvan başçıları istilər düşməmiş yola düzlənəndə istiqaməti Dan ulduzu ilə müəyyənləşdirərdilər. Dan ulduzuyla yanaşı yox, başqa istiqamətdə Karvanqıran deyilən ulduz da var. Naşı, təcrübəsiz, yaxud çaşan karvanbaşı dan ulduzunu onaoxşar ulduzla, yəni o birisi ilə qarışdırıb səhf salanda karvan səhralarının ortasına sarı gedib fəlakətlə üzləşirmiş...

Bakuvü təxəllüsü də maraqlıdır. Orta əsrlərdə türk sufilərinin bir çox təriqətləri vardı, bunlar açıq və gizli olublar. Hər halda, rüklərlə daha çox bağlı olan Nəqşbəndiliyin, Bektaşiliyin, Əhməd Yasəvilərin, Yunus İmrələrin, Möflanələrin davamçıları milli-mənəvi dəyərlərimizin zənginləşməsində böyük rol oynayıb, silinməz izlər qoyub, Müridizmin yaranmasına əsas olub.

Yadıma gör nələri saldı Eldar. “Özünü tanımayan Allahını tanımaz.

Cəfəngiyyat naminə yaranan ədəbiyyat deyil, bədiilik naminə bəzən cəfəngiyyat da məqbul”

“Hər kəs özündəməlum nəticəni əks etdirir”. T. Ғ. 1988.

Şumerlərdən üzübəri Çın, Hind, Latın, Yunan, Misir və Avropalıların dinlərini, dinə münasibətlərini az-çox öyrənmişəm. Məqsədım insan-Yaradan münasibətlərini araşdırmaq olub. Mütləq /Tanrı/, ötətri /insan/ olanın /Əslində ruhun ölməzliyinə görə o da əbədidir/ fərqi anlamı olub. Bir şeyi bilirəm ki, Şəriət, təriqət, mərifət mərhələlərini keçməyənlər həqiqəti /mütləqi/ dərk edə bilməz.

Bakuvinin yolu özünəməxsüs yoldu. O yol onu gətirib alpinist kimi zirvəyə.

Habelə, könlüm, habelə,
Dözdün, dözüb də tab elə.
Dərdlərini kitabelə,
Oxuyanı tapılacaq.

El Bakuvi şəxsi həyatında ağır itkilərlə, tale müsbətləriylə qarşılaşsa da, yenə öz-söz yolundan dönməyib. Bəlkə də elə ağır məqamlarında sözdən və Tanrıdan başqa güvənci olmayıb, bir də mükafat əvəzi Yaradan ona oğlu Yusifi quydan çıxardıb göndərib ki, atasına arxa-dayaq olsun.

Eldar təmənnasız şairdi.
Qalxan-qılınc deyil üzümə tutam,
Dəniz-dərya deyil özümü atam.
Adam-madam deyil gözümü tutam,
Nəyimə lazımdı mənim bu şeir?

El Bakuvi ilə mənim sonet janrı haqqında söhbətim oldu. Bizim ədəbiyyatda sonet yazanlar barmaqla sayılır, bu janr Avropadan gəlib. Sən onun tələblərinə, xüsusuyətlərinə necə əməl etmişən? Bax belə.

Haçansa mən El Bakuvinin “İthaf” adlı şeirini tərcümə etmək istəmişdim.

İcazə ver dedi mənə
Almazı almaz eləyim.
Gül-çiçəkli torpağını
Gül-çiçəkli yaz eləyim.

Eyni tərkibli olan kömürlə almazın atom quruluşundakı fərq birin kövrək kömür, birini isə kəsərli almaz eləyir. Almazın, sözün də cilalanması öz yerində, əsas onun daxili fəlsəfəsi, poetikası, məntiqidir ki, söz şeirə çevrilsin, şəxsiyyətli, əxlaqlı, mənalı, milli-bəşəri dəyəri olan mənəvi dəyərə dönsün, irs-miras, sərvət olsun.

Bu, həm də yazarın-şairin ədəbi şəxsiyyətindən asılıdır.

Qartal üstündədi Qaf dağlarının,
Qırıb zəncirləri artıq
Özü bayraqdı bu gün...

Qaf dağında zəncirlənmiş Prometeylər azad, insan ruhu da
azadlıq aşiqi, azadlıqsevər insanlar, azad sözlə ürəyini məşəl
edib milləti irəli apara bilər, insanları zənginləşdirər.

Пусть скажет каждый,
кто хоть что-то прочитал
Из Бакуви, который пишет
только кровью.

Sənə uğurlar, Şərqin yeni doğan Dan ulduzu. Əbədi işıq saç!

Teyfur Cələbi,
“İcmal” qəzetinin baş redaktoru.
25.07.2018

«РЕАЛЬНОЕ С ФАНТАСТИКОЙ ПЕРЕПЛЕЛОСЬ» (О сборнике «Пришелец»)

Тяга к звездам, к дальним сферам и галактикам присуща всем людям. Но когда она появляется у пишущего человека, создаются полные тайн, так называемых кодированных стихов о космосе, о дальних недосыгаемых сферах. Такую поэзию называют астральной или поэзией космополитизма. Интерес к такому творчеству не нов. Многие поэты старались разгадать тайны вселенной с помощью поэтических строк. Многие используют в поэтической речи метафоры, эпитеты сравнения и обороты, в которых отражаются небесные тела, отображаются небесные картины, наличествуют комические дали и естественно космические мысли, иногда эти стихи очень далеки от нынешних реалий. Но такая поэзия существует, и она имеет право на полновластное место в творческом процессе. Именно поэзию с элементами космопоэзии преподносит нам автор сборника эль-Бакуви (Эльдар Гусейнов. Пришелец. Баку 2017). Астральные мотивы были и в творчестве Хайяма, Низами, Руми и других титанов поэзии. Нынешнее поколение поэтов, созерцая технологии, новые умные агрегаты, поворачивают свой взор к космосу, к его необъятным просторам. И вообще, может, это и верно. Возможно, и другие слова, и метафоры к поэтам приходят из космоса. Другое дело: еще никто не разгадал тайны вселенной в том числе поэзией. Но стихи дают повод поразмыслить над тайным бытием, заставляют взглянуть в потайные окна вселенной. Автор, сборника несомненно, имеет талант. Но в текстах чувствуется некий расплывчатый симбиоз космополитической поэзии и реальной.

Далеко-далеко в неизвестности
Плачет дитя,
И собака завyla соседская

Вовсе некстати.

Темень внешняя с каждой минутой

Становится гуще,

С силуэтом сливается там

За окном силуэт...

В стихах автора цвет тоже играет свою роль: неспроста глаза зеленые (как у инопланетян), белый (цвет счастья), красный (надоедливости и скуки).

Метафора – Бог поэзии. В книге много оригинальных метафор, порой витиеватых с комическими оттенками, иногда обыкновенные реальные сопоставления и ассоциации вплетены в текст стихов умело. Но, иногда налицо нагромождение художественных средств, что мешает восприятию основной идеи текста- мысли. Автору следует избрать себе путь, лишенный каких-либо чуждых именно его авторскому «я». В этом есть необходимость, ибо творчество не любит многоходовых отступлений. Тут нужна одна дорога или маленькая тропка, но своя, непохожая ни на кого. У автора есть все данные, чтобы идти по своей найденной тропе. В некоторых метафорах горит осень, люди входят в осенний мир, как в дом. Очеловечивание природы –самый сильный инструмент в творчестве. И таких стихов в сборнике немало. Вплетение в текст неоправданных иностранных слов иногда вредит стихам Бакуви. Их по возможности, как думается можно избегать. Похвально что автору не безразлична печаль и боль планеты, ибо поэт есть гражданин мира. В одном из стихов автор сожалеет:

«Кружит та же под нами по-прежнему наша Земля,

Только Солнце для нас теперь стало чужим и холодным». В сборнике «шины шуршат по асфальту», «шепот срывается с губ», «дождь капает, как слезы вдовы».

Поэтические находки автора привлекают читателя, ассоциации ведут его за собой- к мысли, вооруженной рифмой. Особенно автор предпочитает осень, сквозь

багряные леса всматриваясь в небо, он показывает нам то, что нашел:

По аллеям осеннего парка
Силуэты бредущих пар.
Светом выхвачены иномарок
Бьющим из галогенных фар...

Приметы нашего времени все глубже вплетаются в творчество современных поэтов. Некоторые, как например, космопоэт Фатулла Джамаль, провозгласив себя «королем поэтов», не сворачивает со своей тропы космического певца, другие стараются разгадать связь между землей и небом, между людьми и звездами. Творческое созвездие-философии, астральных атрибутов и реальных картин придают сборнику Бакуви универсальный код, однако, и может быть, это мое мнение, стихи о реальной жизни, например, все стихи об осени и людях, окруженных осенью, удались автору более удачно, ежели, например, тот же «Пришелец». Но это только субъективное мнение, могут быть и другие размышления. В текстах много информации, иногда чересчур. Но есть и лирика, от которой автор никуда не смог уйти. И надо сказать лирические куски в его текстах впечатляющи и заманчивы. Можно много говорить о сборнике, но наша цель определить стиль, основные пути развития творчества и указать, возможно, на некоторые изъяны. А принимать или не принимать их - право самого автора сборника.

Наджиба Илкин, поэт-публицист
Главный редактор «Азад Гелем»

доктор филологических наук, профессор
Надир Мамедли

Предисловие от редактора

Готовится к печати третья по счёту книга уже известного своими первыми сборниками бакинского поэта Эль Бакуви. Уже решено, что сборник будет называться «Сто сонетов Эль Бакуви». Как и две первые, третья также начинается сонетом, посвящённым первой леди Азербайджана Мехрибан ханум Алиевой. К слову сказать, красота этой женщины, восточная красота и впрямь очаровывает человека и неудивительно с этой точки зрения, что Бакуви эта красота вдохновляет на такие поэтические шедевры, как «Звезда Востока...». Колорит и музыка этого стихотворения говорят, что оно создано не только пером Бакуви, но и его сердцем, душой и сам сонет очарованный как Нарцисс собственной красотой и красотой женщины, для которой написан, сияет непонятным и удивительным образом на бумаге даже тогда, когда его не читаешь. Прав Бакуви, когда говорит, что пишет свои произведения кровью.

Темой для всех сонетов в сборнике стала любовь. В поэтическом творчестве Бакуви в отличие от его прозы, эта тема занимает собой чуть ли не всё пространство. Понятие «любовь» сложно и многогранно. На этот счёт высказывались многие мыслящие люди, в то числе и испанский философ и искусствовед Хосе Ортега-и-Гассет в своих этюдах о любви. В сонетах Бакуви она тоже распространяется на большое количество объектов – это женщины, это мать, это любовь к родному городу, любовь к своему ребёнку...

Сонет, как обособленный жанр в поэзии, обладает и особой поэтической формой, к которой обращается небольшое число поэтов. Специфические сложности здесь требуют от таланта особого, более тонкого и более совершенного мастерства. Поэтому попытку и эксперимент Бакуви можно

считать достаточно смелыми и, надо отметить, что в какой-то мере поэту удалось выполнить поставленную перед собой задачу.

Многих читателей удивляет то, что Гусейнов Эльдар Азер оглу пишет на русском. Очевидно, что здесь необходимо учесть следующие обстоятельства: Бакуви родился и жил в Советской стране, где почти всё было русифицировано. Учился он в русской школе. И может быть главное в том, что часть корней его генеалогического дерева уходит в европейскую почву, конкретнее в Польшу – его бабушка с маминой стороны, Цветкова Мария Борисовна, была полькой. Противоположная же сторона, то есть ближайшие родственники по линии отца – это его прадед, Гаджи Гейбетгулу Мамедгулу оглу, выходец из города Ордубад. Но, какой бы чистой и совершенной не была русская речь Бакуви, всё же интонации Востока в ней достаточно сильны. Хотя всё это следует оставить сугубым специалистам.

Больше чем о стихах и о сонетах Эль Бакуви, мне хочется сказать о его поэмах и особенно о поэме «Пришелец» из одноимённого сборника. Это вполне естественно – настоящие разговоры, беседы и споры в Литературе о «Пришельце» ещё впереди. Мимо подобного произведения нельзя пройти, проявив к нему равнодушие, так как темой поэмы является сам Человек, человек не только из далёкого прошлого или каков он есть сегодня, но и человек, каким он обязан стать в будущем.

Обличителей пороков, гнездящихся в человеческом обществе, на каждую эпоху приходится крайне мало. Хотя математика и может нам сказать, что подобные числа пренебрежительно малы относительно общей массы, но у массы никогда не хватало и никогда не хватит сил идти против течения, которое определяет для них этот гений-одиночка, у массы никогда не хватит сил пренебречь указаниями и советами этих людей. Именно эти люди

определяют дальнейший ход интеллектуального развития общества. Из текста поэмы «Пришелец» можно прийти к мысли, что возможно, мы наблюдаем за рождением и становлением нового Ювенала или, если взять одного из последних – Генри Миллера. Правда, были мыслители, излагающие свои идеи в более жёсткой, в более конкретной форме. Но Бакуви весьма своеобразен. И это своеобразие заключается в его масштабности. Его объекты – это Земля, это Космос, созвездия, Вселенная, это всё Человечество.

Нравится это нам или нет, но правда такова, что всё тело человечества покрыто язвами общественных пороков и от этой правды нам никуда не деться. Бакуви в своей поэме показал лишь часть наших проблем, но проблем, решение которых действительно не терпит отлагательств.

Тема «Пришельца» - человек, его сущность, его природа, образ жизни... Уже в одном эпитафическом стихе о человеке сказано столько, что отталкиваясь от этого текста можно было бы писать книги. Возможно в будущем так оно и будет. Во всяком случае, как очевидец, как свидетель событий, твёрдо могу сказать: первая глава «Пришельца» вынуждает читателей говорить о поэме, к тому же вынуждает с такой силой, что читатель совершенно забывает о том, что у поэмы есть ещё четыре главы. Это естественно, потому что с затронутыми в ней вопросами сталкивается каждый из нас и почти ежедневно. Проблемы эти уже давно приняли общемировые масштабы, а последние два-три года можно было наблюдать, как всё большее и большее количество граждан по всему миру бьёт тревогу, особенно по поводу загрязнения вод мирового океана, по поводу загрязнения воздуха, окружающей среды. А ведь воздух и вода для нас являются жизненными компонентами первой необходимости. Все наши болезни – это результат неправильного образа жизни. Один только сахарный диабет чего стоит! Так что к Бакуви следовало бы прислушаться не

только как к поэту, но и как к одному из передовых граждан планеты.

От своего имени хочу поздравить уважаемого Эль Бакуви с выходом в свет его третьего сборника стихов, и особенно с такой литературной удачей, как «Пришелец».

Юсиф Гусейнов

Предисловие от автора

Уважаемые читатели! Когда бы вы ни открыли эту книгу, здравствуйте! Сегодня, принимая во внимание большую массу граждан, желающих высказаться по поводу прочитанного ими в двух предыдущих сборниках – «Позывные моей души» и «Пришелец» - вынужден быть предельно кратким с тем, чтобы место для печатного слова хватило всем.

Перед вами новый сборник поэтических произведений – это сонеты, и весь содержащийся в них материал посвящён любви и взаимоотношениям противоположных полов. Последнее, правда, выражено здесь не столь ярко, как следовало бы это сделать. Но я очень надеюсь, что ещё не вечер и что у меня будет ещё возможность удивить и порадовать моих читателей теми сюрпризами, которые я им готовлю.

Здесь есть произведения, уже знакомые вам, но есть и много нового и интересного. Сонет – это особый жанр, особая форма изложения поэтического слова и в самой Поэзии сонет занимает достаточно высокие позиции, и поэтому мне пришла мысль объединить эти сто сонетов в одном сборнике, тем более, что и сама тема подсказывает, что это стоит сделать. В будущем, может быть, и множество других моих сонетов и эти сто сольются в какой-нибудь отдельный и большой сборник, но сегодня, уважаемые читатели, примите от меня в дар эти «Сто сонетов Эль Бакуви» от

всего сердца. Впрочем, может быть, этот сборник неофициально можно было бы расценивать как подарок женщинам... Очевидно, так оно и есть. Мне всегда хотелось показать правильное отношение к женщине в поэзии, в связи с тем, что на новых поэтических волнах встречаются такие «произведения» на тему любви, которые большая литература должна отвергать, как нечто инородное.

Если же женщинам этот сборник сонетов придётся по душе – буду счастлив. И тогда, пусть это действительно будет моим подарком всем женщинам.

С глубоким уважением и с надеждой на будущие встречи.

Эль Бакуви
11.07.2018

Отзывы читателей

Недавно ко мне попала удивительная книга бакинско-русскоязычного поэта Эльдара Гусейнова, пишущего под псевдонимом Эль Бакуви, и после того, как прочитал её всю от корки до корки понял, что это большая удача. Удача как для меня, человека, работающего со словом, так и для самого автора этой небольшой книжки. Книга эта называется «Пришелец». Почему так, я понял лишь после того, как добрался до одноимённой поэмы в конце книги. Но ещё более это становится понятным и ясным после того, как читатель с головой окунётся уже в первую главу этой удивительной поэмы, ибо нельзя оставаться равнодушным не только к первой главе этого произведения, но даже эпиграф к поэме заставляет читателя глубоко задуматься о себе, о мире, об образе жизни людей, о нашем интеллектуальном уровне.

Неделю тому назад меня попросили сказать несколько слов для готовящейся к печати новой книги Эль Бакуви, которая будет называться «Сто сонетов Эль Бакуви», и ес-

тественно, что не будучи пока знаком с нею, я буду говорить о «Пришельце».

Уважаемый Бакуви, хочу сразу же сказать вам, пока лишь о вашей поэме: «Пришелец» без всякого зазрения совести можно отметить как большую удачу автора. Её, эту поэму, следует отнести к произведениям крупной формы и к произведению, которое должно было стать большим событием как в самой Литературе, так и в литературной жизни Азербайджана.

Уважаемый Бакуви, как специалист в области литературы, я могу сказать вам так: вы на большой волне. Желаю вам больших творческих удач и счастлив, что живу в одно время и в одном городе с таким поэтом как наш Эль Бакуви.

Уважаемый читатель, в этом большом и лирическом произведении автор затрагивает большие и глубокие вопросы, связанные с жизнью человека, с его образом жизни на земле и с нашим общежитием вообще. Здесь показаны автором большие нарывы и язвы современного человеческого общества. Бакуви, я так думаю, сумел показать, как мы, обладая таким уникальным во вселенной явлением, как наш мозг, сумели всё же скомпрометировать себя и в собственных глазах, да и в глазах тех, кто может быть, видит нас со стороны. Не думаю, чтобы краски здесь были сгущены, ибо можно и следует сказать более: те язвы и нарывы на тел человечества, которые обнаружены автором «Пришельца» ещё не самое страшное из всего комплекса страшных преступлений, содеянных некогда людьми и непрекращающихся по сей день. Стоит лишь полистать статистику преступлений... Я понимаю автора. Бакуви хочет текстом своей поэмы разбудить человечество, находящееся в наркотическом и алкогольном опьянении, человечество, которое за рекордно короткий срок успело так загрязнить реки, моря океаны и воздух, что уже само задыхается в клубах ядовитого химического тумана. Так что вполне можно сказать, что Бакуви сильно смягчил здесь тона и краски. Автор этой поэмы сумел показать нам

нашу жизнь, нас самих и нашу планету минимум как с околоземной космической орбиты. Это грандиозно. Всем и каждому очень рекомендую читать «Пришельца» и читать внимательно, тем более, что эта поэма, как просто художественное произведение тоже имеет большую ценность и читается плавно и легко.

Книга содержит ещё две поэмы о любви, одна из которых глубоко трагична. Общая оценка творчества Бакуви такова – тема любви ему очень близка и он пишет о ней мастерски. При чтении этих вещей человека, будь то женщина или мужчина, обязательно будут обуревать чувства грусти и тоски, потому что чувства истинной любви так тонки в нас и так глубоки, что разобраться в них очень и очень сложно, пусть даже если у нас в наличии будет сто таких замечательных поэтов, как Эль Бакуви. Но они в нас есть, эти чувства и по мере нашего интеллектуального развития они становятся всё тоньше и требуют для себя в жизни, как практики, так и теоретического объяснения, особенно при возникновении таких коллизий и драматических ситуаций, которые мастерски извлекает из жизни Эль Бакуви и в удобоваримой, стройной гармонической конструкции представляет нашему вниманию. Это надо ценить.

Но кроме поэм книга содержит ещё и достаточно яркие стихи и сонеты, которые, на мой взгляд, тоже могут принести читателям немало удовольствия.

И напоследок могу сказать, что Эль Бакуви – поэт больших возможностей и поэтому мы вправе ожидать от него, как минимум таких же шедевров в будущем, как его поэма «Пришелец».

*Аскерзаде Гафар, заслуженный журналист Азербайджана,
доктор философии педагогических наук*

EL BAKUVİ VƏ ONUN “GƏLMƏ” POEMASI

El Bakuvinin (Eldar Hüseynov) 2017 ildə nəşr edilmiş müxtəlif məzmunlu şeirlər və poemalar daxil edilmişdir. Bu kitabın ümumi ahəngi insanlar və ya ayrı-ayrı insan (fərd) üzrə köklənmişdir. Şeirlərdə məşğur musiqiçilərin, rəssamların, alimlərin adları çəkilir və sənətlərinin hansı zirvəni fəth etməsindən bəhs edilir. Ancaq bununla yanaşı, bəzən arzu və idealların uzlaşmadığı da oxucuların nəzər-diqqətinə çatdırılır. “Bakuvinin daxması” adlı şeirdə yoxsul mənzərə göz önündə canlanır. Ancaq bu evdə mənəvi ab-hava zənginliyi ilə diqqəti cəlb edir. Əgər bu evdə Eynşteyn oxunur və galaktikalardan söhbət açılırsa, ümumi mənzərə oxucular üçün aydınlaşar.

“Gəlmə” kosmik fəzanın dərinliklərindən planetimizə gələcəyi ehtimal olunan şüurlu məxluqlara verilən ümumiləşdirilmiş addır. Bu mövzuda kifayət qədər elmi-fantastik əsərlər yazılmışdır. Və yazılmaqda davam edir. Müasir Amerika fantast-yazıçısı Azyzek Əzimovun “Əbədiyyətin sonu” romanı bu mövzuya yaxşı nümunədir. Elmi-fantastik mövzulu əsərlərin bünövrə daşını qoyanlardan biri də fantast yazıçı Herbert Ueldir ki, “Dünyaların müharibəsi” əsərində marslıların Yer kürəsinə hücumundan bəhs edir.

El Bakuvunun “Gəlmə” poeması isə bu tipli missiyaları öz üzərinə götürmək məqsədi güdməmişdir. Mümkündür ki, kainatın hansısa guşəsindən şüurlu varlıqlar bizim Yer kürəsinə gəlib, hansısa tədqiqat işləri aparıblar. Bu haqda da həqiqətəbənzər və həqiqətdənuzaq məqalələr kifayət qədər yazılmışdır. Bu cür mübahisələr acı bağırsağ kimi uzanıb getməkdədir. 20-ci əsrin ortalarından etibarən kosmosda geniş tədqiqat işləri aparılır. Marsa, Veneraya, Yupiter və Saturna, eləcə də onların təbii peykləri ətrafına kosmik gəmilər göndərilir. Hətta 1970-ci illərin ortalarında Günəşdən kənar sivilizasiyalara Yer xalqlarının müxtəlif elmi və mədəni nümunələrini özündə əks etdirən kosmik gəmi də göndərilmişdir. Nəhayət, Aya ABŞ-ın “Apollon” tipli 8 kosmik gəmisi 1969 – 1972-ci illərdə Aya 18 astronavt çıxarmış

və oradan 400 kilogramdan çox Ay guruntu gətirilmişdir. Sovet İttifaqı, öz növbəsində, 1970-ci ildə Aya iki “Lunoxod” buraxmış və oradan 300 – 400 qram qrunut gətirmişdir. Marsda elmi tədqiqatlar davam etdirilir və bu planetə astronavt göndərmək planlaşdırılır.

“Gəlmə” poemasında isə müəllif tamamilə başqa mətləblərə toxunur. Bu əsərdə şüurlu məxluq axtarışına ehtiyatla yanaşılır və bu cür axtarışların lüzumsuz olduğu iddia edilməsə də, Yer insanın buna hazır olmadığı ifadə edilir. El Bakuvi belə hesab edir ki, şüurlu varlıqların olduğu Qalaktikalardakı planetlərə uçmaq üçün insandakı idrak şərtləri çüzdür və kosmik zülmətlərə bürünmüş yad dünyaların yolu ağılasıgmaz dərəcədə uzundur. Digər tərəfdən, insanlarda vəhşi ehtiras get-gedə güclənməkdədir. Varlanmaq həvəsi hədd-hüdüdü bilməyən insanlar bir-birlərini talamaqdan və qarət etməkdən də çəkinmirlər. Müəllifin fikrincə, kobud təbiət məhsulu olan insan eybəcərleşmə yolu tutur və hanniballaşmaya meyil edir. Xoşbəxtlik və əbədi bahar məkanı olan sivilizasiyalar ölümdən-ölümə doğru gədən xəstəhal Yer övladları üçün deyil.

Poemanın dörd misradan ibarət olan giriş hissəsi “Gəlmə”-nin məğzini qabarıq tərzdə ifadə edir. Bu bənddə müəllif yazır: “Hələ də bədəninizdən heyvan dərisinin qoxusu gəlir. Ancaq biz yenə də Kosmos və digər sivilizasiyalar haqda arzularımızı gerçəkləşdirməyə cəhd edirik. İnsafla desək, hələ də arxa ayaqlarımız üstündə qərar tutsaq da, iddialarımızla qanad açıb uçmaq istəyirik”.

Bir sözlə, “Gəlmə” poeması bu cür iddialara qarşı yazılmış bir parodiyadır. Ancaq El Bakuvi qurub-yaratmağı və mühüm nailiyyətlər əldə etməyi yekuna düzgün addım sayır. Belə hesab edirik ki, bəşəriyyətin gələcək yolları kəhkəsan kimi parlaq olar və insan cahanşümül uğur qazana bilər.

*Valeh Məhərrəmli,
Əməkdar jurnalist*

Зная, что готовится к печати новый сборник стихов Эль Бакуви и имея возможность для этого, хочу сказать несколько слов о предыдущем сборнике этого автора, о его книге «Пришелец». Можно сказать, что я уже хорошо знаком с творчеством Бакуви и может быть даже ждал от него чего-то подобного. Уже несколько раз прочитал эту поэму и всё больше и больше она мне нравится. Это очень красивое лирическое произведение, к тому же способное заставить читателя глубоко задуматься о нашем образе жизни. Бакуви с оптимизмом смотрит в будущее, верит в человека и говорит, что: «И ярче солнца будет избранный им путь...».

Пользуясь случаем, хочу поздравить автора: уважаемый Эль Бакуви, от всей души поздравляю вас с такой удачей и желаю вам ещё больших успехов на пути продвижения нашей литературы вперёд. Вы настоящий гражданин и настоящий сын Азербайджана. Мы гордимся вами. Спасибо вам.

P.S. Поэма «О нас» мне тоже очень понравилась, я хочу спросить: уважаемый Бакуви, откуда вы берёте такие слова?

Профессор Ф. Бабаев

Выходит в свет, впрочем, как мы и предполагали совсем ещё недавно, новый сборник стихов нашего современника, поэта Эль Бакуви. Это будет сборник сонетов и в своё время мы должны будем сказать о нём правду. Но сегодня нашей обязанностью является сказать критическое слово о предыдущем сборнике этого автора, о его сборнике стихов «Пришелец». В прошлой короткой записке мне уже приходилось говорить, что тема любви для Эль Бакуви является доминирующей, впрочем, как и для многих других поэтов. Следует наверное отметить, что все поэты – люди любвеобильные...

Обо всём об этом я знал заранее. Но что для меня явилось здесь, в «Пришельце», сюрпризом! Откровенно

говоря, я не ожидал встретить в авторе «Пришельца» такую силу, напор и натиск. Естественно, что поэма из первого сборника «Самая первая и настоящая» наталкивала меня на какие-то мысли в этом направлении. Но всё это было пока туманно, мутно и неопределённо. Теперь, после «Пришельца» всё встало на свои места – поэт крепко встал на ноги, определился и заявил о себе. Теперь мы с уверенностью можем сказать, кто такой Эль Бакуви – он и есть сам Пришелец.

Хочу от всей души поздравить поэта с достижением им этой высоты и пожелать ещё больших, пусть даже заоблачных высот. Лично я считаю, уважаемый Бакуви, что как поэт вы родились и состоялись именно с выходом в свет Пришельца. Поздравляю вас, и жду от вас, как читатель, в будущем, минимум таких же прекрасных и умных вещей.

Можно видеть многое, не умея при этом выразить всё в словах. К тому же виденное требует определённого анализа. Можно более или менее сносно владея речью, слабо видеть происходящее вокруг. И наконец, можно уметь и то, и другое, но не уметь сложить нужные слова в стихотворную форму. Бакуви умеет и то, и другое, и третье.

Начну с первого – с его речи, с его слов. Размер поэтических строк Бакуви соответствует размеру строк в сонетах французского поэта шестнадцатого века (1522-1560) Жоашена Дю Белле. Разумеется, что подобный же размер строки мы можем найти и у многих других поэтов, но по количеству информации, а значит, и по богатству словаря, по моему мнению, творчество Эль Бакуви может быть сравнимо с творчеством именно этого французского поэта. Дю Белле был мастером сонета, каковыми можно было и следует считать, конечно, не многих. Петрарка, Ронсар, Камюэнс, ду Бокаже... В России, совсем ещё недавно, жили два прекрасных поэта. Это были современные мастера сонета – Анатолий Владимирович Родыгин и Валерий Куринский.

Бакуви много пишет о любви. Тема эта ему очень близка, и не только женщины в его стихах, но и чувства, взаимоотношения круглы и объёмны. Всё ярко, выразительно и по выражению некоторых читателей, легко доступно. Но кроме любви, в стихах и сонетах этого автора можно встретить и обширный круг иных интересов – это философия, нейробиология, социология, современные проблемы психоанализа, проблемы осознанных сновидений... И совершенно естественно – чем шире круг интересов автора, тем богаче его словарный запас, так как каждая наука обладала собственной терминологией.

Теперь давайте понаблюдаем за тем, как Бакуви видит мир, каким он видит его. Прежде всего, я бы сказал так: Бакуви любит большие масштабы. Через свои произведения он старается взирать на мир с больших высот – минимум как бы находясь в последних слоях стратосферы. И вот с этих заоблачных высот поэт видит не только женщин, цветы, Природу и свои взаимоотношения с ними, он видит взаимоотношения полов, он видит межчеловеческие взаимоотношения вообще, видит образ жизни людей на земле и неподдельно огорчается тем, что так много в нашей жизни уродливого, аморального и негативного.

И наконец о том, как и в какой форме Бакуви всё это нам преподносит. Поэтическая форма изложения мысли, вообще является его высшей формой. Этим методом Бакуви владеет прекрасно. У него, кроме большого количества стихотворений о любви есть на эту тему и красивые маленькие поэмы, а «Пришелец» является литературным произведением крупной формы. Большая часть её тоже посвящена основе нашего существования на земле – любви между женщиной и мужчиной. Более того, любовь здесь выносятся далеко за земные рамки, как во времени, так и в пространстве. Но Эль Бакуви показал нам, что в поэтическую форму он способен облечь не только наши романтические чувства – чувства любви, но и наши серые и подчас мрач-

ные будни. На своём замечательном, большом поэтическом полотне он крупными и большими мазками сумел проиллюстрировать нам нашу собственную жизнь на Земле с её общественным укладом, с её коллизиями, с её взлётами и глубокими падениями. И может быть немаловажно то, что автору всё это далеко и глубоко не безразлично, и наравне с его горечью по поводу происходящего на земле он верит в светлый разум человека и очень хочет надеяться, что идея Матери-Природы всё же восторжествует.

Садыхов А.Ф.

Доктор философии, доцент

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Автор выражает глубокую благодарность лицам, принимающим активное участие в популяризации его произведений. Это: доктор геолого-минералогических наук, профессор Азербайджанского Технического Университета Бабаев Фикрет Рзакули оглы, Доцент кафедры «История» АзТУ кандидат исторических наук Рзаев Рауф Ахмедага оглы, кандидат педагогических наук Аскерзаде Гафар, кандидат философских наук Садыхов Адиль, главный редактор газеты “İsmal” Тейфур Челеби, преподаватель биологии школы №154 Сураханского района Мустафаева Земфира Малик гызы, Рустамова Ирада Салим гызы, Гулиев Эхтибар Балаш оглы, Сулейманов Рубаил Исрафил оглы, Насиров Таги Абдулгасан оглы, Мамедов Зия Видади оглы, заведующий библиотекой дома культуры Сураханского района Абдуллаева Эльза Рашид гызы, кандидат философских наук Фарадова Наиля Джамал гызы.

Сонеты

*Самой красивой женщине Азербайджана
уважаемой Мехрибан ханум Алиевой от автора*

Звезда востока, красотой дивных глаз
Очаровали и пленили вы поэта
Вам посвящается стихов брошюрка эта –
Собранье мыслей Бакуви и точных фраз.

И прелесть музыки, что в них звучит – для вас,
Для вас фиалок аромат и блеск созвездий –
Всё то, о чём простой поэт ночами грезит,
Влюбляясь заново во всё, как в первый раз.

Для вас любви волшебной крыл прикосновенье,
Для вас души моей порывы и экстаз...
Продлись, прошу тебя, волшебное мгновенье,
Позволь до блеска мне отшлифовать алмаз,
Позволь воспеть мне красоту восточных глаз
В строках лирических моих произведений.

Луна загадочна, чарующе-нежна
И в небе нет для нас объекта интересней,
О ком слагать могли бы мы стихи и песни,
Кто нас спокойствия лишать бы мог и сна.

Как чья-то рано овдовевшая жена
Пока достаточно свежа, стройна, прелестна
В тумане облачных ажурных арабесок,
Томясь, скитается по Космосу она.

Любви бесчувственные пни и те покорны,
Никто не станет с нами спорить о беспорном,
Но сердцем юная Элен ко мне жестока
И как Венера из Милоса холодна,
И я, как в Космосе печальная Луна,
Скитаться вынужден по миру одиноко.

Сквозь плотный строй и частокол авторитетов
Пробей дорогу мой недюжинный талант,
Чтоб так, как некогда писал великий Дант
И спеть бы столько ж мне божественных куплетов.

И как Петрарка стать бы мастером сонета,
Чтобы в душе разбив имён любимых сад
Их в сердце страстном воспевать на всякий лад –
Элен, Мадлен, Джамилю, Клер, Гюльшан и Грету.

И есть ли что-нибудь прекраснее, чем это –
Цветы и песни приносить любимым в дар,
Куплет слагая беспрестанно за куплетом,

И пить при этом, как божественный нектар,
Слова о том, что Бакуви поэт поэтов...
О, это счастье настоящее, nicht wahr?

Как тонок профиль твой, прекрасная Селена,
На фоне чёрных, словно уголь, покрывал
И нежной юности задумчивый овал
Меня толкает на катрену за катреной.

В подлунном мире, без сомнения, всё бrenно –
Здесь, перед вечностью, мы делаем привал
И страх тоскою смертной душу мне сковал,
Грозя разлукой нам с тобою неременной.

В какие дебри бесконечного пространства
Жестоким роком дух мой будет занесён,
Найду ли там овал столь юный и прекрасный
И имя милой среди сонма всех имён?..
Пусть о Селене мне тогда приснится сон –
Быть может где-нибудь в созвездии Пегаса.

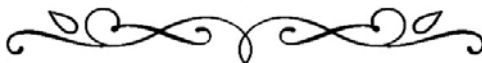

Скрежещет по стеклу гранатовая ветвь,
Воспоминая будоража об оскоме
Во мне. Ведь мы с тобою, Клер, уже знакомы
Непроходимый частокол бесплодных лет.

А этот горестный, как реквием, сонет
Уверен, скоро приведёт нас к аксиоме
К величине всегда поэзией искомой –
В любви для возраста преград особых нет.

Но почему, скажи тогда, меж нами холод?
Ведь я мужчина, в общем смысле, как и всяк,
Нет слов, конечно, Клер, что я давно уже не молод,

Но жар любви во мне покамест не иссяк
И я стремлюсь к тебе подъехать так и сяк,
Но, как в народе говорится, – номер голый.

Юбилейный сонет

В моих стихах слова подобраны, как жемчуг –
Одно, как в ценных ожерельях, к одному
И кто-то на ухо таинственно мне шепчет:
«Такое Пушкину не снилось самому».

Поэм заумных написал уже я тьму
И тьма рассказов мной готовится к печати,
Из тех, что фабулой убийственной, кстати,
Близки народному и сердцу и уму.

Теперь в Поэзии я встал во всеоружьи –
Гроссмейстер слова, авторучки и листа
И слава голову седую мне не вскружит,
И совесть в этом направлении чиста,
И все учёные глаголют неспроста,
Что Бакуви своим пером народу нужен.

*Прекрасному и доброму человеку, поэту
Тейфуру Челяби, с глубоким уважением
от Эль Бакуви*

За ваш приём, за доброту, за человечность
Позвольте вас сердечно поблагодарить
И пожелать ещё вам долго-долго жить –
Таким как вы, я пожелал бы жить хоть вечность.

И Путь вам имя обессмертит скоро Млечный,
И может статься, что звезда уже горит
В далёком Космосе с названьем «Челяби»
И код в каталогах её уже отмечен.

О, если б все творить добро, как вы, умели,
Тогда бы были мы давным-давно у цели,
Тогда, наверное, всё было бы иным
И над Землёй пороховой не стлался б дым,

И всё казалось бы тогда таким простым,
Каким давно уже всё видеть мы хотели.

*Светлой памяти Зинаиды Яковлевны
Гусейновой, моей мамы, посвящаю.*

Август кончился вдруг, не сказав никому ни полслова,
Унесясь неизвестно куда, но уже насовсем
Он порядком уже надоел и, наверное, всем –
Так должно было быть и для нас это вовсе не ново.

Говорят, что зима будет лютой, жестокой, суровой –
Это самая мною любимая тема из тем,
Как для варвара темой любимой являлся тотем –
Исторических предков нельзя игнорировать зова.

Мне теперь уже слышится в воздухе запах крахмала,
Что исходит зимой от морозного, утром, белья
На верёвке, которое с ночи развесила мама,
Деревянными шпильками крепко схватив за края –
Та, ни с чем не сравнимая, свежая жизни струя,
Что для нас уже в веке машин ностальгиею стала.

Жестокий Август вновь жарой на нас повеял,
Подул удушливый и влажно-липкий Нот
И я не помню ничего уже, ни год,
Ни день недели, ни число, ни даже где я.

Всё растворилось в жарком мареве: идеи,
Машины, люди, в синем небе самолёт
И всё лавиной на меня, как в фильме прёт,
И чувство ширилось, что я уже пустею.

Ещё б немного и предметы таять стали,
Казалось, штанга как-то сделалась мягка –
Структура слабой оказалась, значит, стали,

Безвольно в небе проплывали облака
И на бумаге белой вывела рука,
Уже расплавившемся грифелем, – устали!

Мы, моя милая, любимая Элен,
Увы, по возрасту с тобой несовместимы –
Меж нами Лета пронеслись рекой и Зимы
И толщи высятся непроходимых стен.

Ты красотой затмишь прекраснейших Селен
И чары глаз твоих уже невыносимы,
А я не старец в «Карамазовых» - Зосима
И как Парис мечтаю взять тебя я в плен.

Любовь толкает на нелепые поступки
Юнцов и тётушек, и праведных мужей,
А я влюблён в очаровательные губки

И безрассудством движим, кажется, уже...
Но, каждый, в принципе, из нас, на рубеже
Готов припасть к подолу юной Незабудки.

Я за сонетом сочиняю вам сонет,
Но вы, красавица, ко мне, как камень, глухи
И в сердце древней и обросшей мхом старухи
Нашёл бы раньше я, наверное, ответ.

Смотрю с печалью ежедневно вам во след,
Неужто сердцем вы, мадам, настолько сухи –
Как хлеба чёрствого трёхдневного краюха –
Что капли жалости у вас ко мне в нём нет.

Как белый мрамор холодны вы и бесстрастны,
Напрасный труд обжечься чем-нибудь о вас
Вы безразличны ко всему, как день ненастный,

Но и красивы, как отточенный алмаз,
А блеск подёрнутых тончайшей влагой глаз
Открытым текстом говорит, что вы опасны.

Вы так нежны, моя прекрасная Фиалка,
Что рядом с вами опасаясь я дышать
И говорю открыто, смело, не греша –
На всех красавиц мне смотреть пред вами жалко.

По вас я ночи напролёт, поверьте, алкал
Ждала вас, ангел, с нетерпением душа,
Но всё же вам, моя красавица, решать
Ваш раб помилован или пойдёт на плаху.

И так всегда. В делах любви мы очень слабы,
В руках покладисты у женщин, словно воск,
Веревки вить из нас уж каждая могла бы –

Для них подобный механизм – не вопрос,
Лишь ночью стоит расплести им пару кос
И скинуть с ножек перед сном чулки и сабо.

Зацвёл миндаль и я, мне кажется, влюбился
О, как прекрасна, восхитительна она,
Нежна, как Май, благоуханна как Весна,
А цвет лица её с миндальным цветом слился.

О, быть ей в будущем талантливой актрисой,
Как Дези сняться ей в «Бегущей по волнам»
Не зря в фантазии предутреннего сна
Ко мне является она принцессой Лисса.

Не верю счастью своему, не сон ли это,
Не дым поэзии ли голову кружит?
За что такое неизвестному поэту –

Ко мне Мадлен моя, счастливая бежит...
А над строкою плавно грифель ворожит,
Чтобы достойную концовку дать сонету.

*Всем женщинам с любовью и
уважением посвящает Эль Бакуви*

Мы стали с вами, мой кумир, на пиксель ближе,
Душой и разумом я на небе седьмом,
По всей земле благоухает всё кругом
И пали ниц пред вами женщины Парижа.

Любовь ли разумом и сердцем нашим движет,
Но я второй уже пишу стихами том –
Всё о любви моей великой к вам, притом,
Что героиней этих станете вы книжек.

Себя узнаете из каждого стиха вы,
Хотя и длинен в книгах перечень имён –
Портреты женщин там налево и направо

И метит каждая красавица на трон,
Но только вы, мой белый сладостный бутон,
Быть королевой получаете мной право.

Лёгкой тенью скользя сквозь ветвистые кроны нейронов,
Всплыли образы тех, кто когда-то был дорог и мил,
И как в зеркале, ярко, черты их в себе отразил
Монитор моей памяти, лучше чем сам Panasonic.

Всё в пространстве, как дым, растворяясь на части
способно:

Города, государства, события, люди и мир –
Жил недавно совсем ещё физик Энрико Ферми,
А теперь от него не найти даже кончик аксона.

Время образы наши смывает невидимой кистью,
Растворяя в пространстве материи брэнной состав,
И летят в мировое пространство со скоростью свиста,
От поверхности тела молекулы кожи отстав,
Внутриклеточно срок отслужив и негодными став –
Точно как в октябре опадают отжившие листья.

*Первой леди Азербайджана,
уважаемой Мехрибан ханум Алиевой,
посвящает автор.*

Примите этот от меня подарок скромный
Клянусь, что больше за душой ни centa нет –
Мы две различных величины – я поэт,
А ваше дело восседать на царском троне.

Пусть ярко блещет в вашей царственной короне
И неземной повсюду сеет яркий свет
Иных миров живой посланник и планет,
Свободы, Разума и Знания сторонник.

Живу надеждой и смогу, надеюсь очень,
Вам посвятить в стихах написанный роман.
Уйдут бессонные на это дни и ночи,

Но им гордиться будет наш Азербайджан –
Он будет назван мною «Леди Мехрибан»
И в нём прекрасные воспеты будут очи.

Катилось к западу наскучившее Лето,
Вдохнул свободнее измученный Баку –
В тетради синей вывел первую строку
Пером волшебным Бакуви – король поэтов.

Пропел молитву муэдзин в мечети где-то,
Слова молитвы плавно, медленно текут,
Как нежно-газовый в безветрие лоскут,
Летающий птицей белой с башни минарета.

Как жарок воздух был уже, текуч и липок
Над новым городом уставшим и ночным
Тяжёлый ком стоял удушливого гриба –

От иномарок исходящий смрад и дым,
Но с моря ветром потянуло вдруг сырым
И город, Богу помолясь, зевнул сонливо.

Этот город уже для меня, для бакинца, чужой
Так сказать, не кривя ни душой и ни совестью, можно –
Все усилия прежде что-то узнать безнадёжны,
Хоть ушедшее прошлое наше в безмерье свежо.

Мерседесы, Тойоты, Рено, Ягуары, Пежо –
По советскому вряд ли бы ездить смогли бездорожью.
С неизбежностью надо мириться – мы стары, ну что же,
Пусть счастливее нас будет в новом Баку молодёжь.

Стадионы, дороги, зелёные парки, высотки –
Новый город цветёт и ночными огнями пестрит –

На бульваре, в метро, в магазинах – повсюду красоты
И становится юный Баку, как Манхеттен, красив,

Как гирлянда на ёлке нарядной блестящ и искрист,
И которой огни зажигает на праздник нам кто-то.

Мы никогда не перейдём с тобой на «Ты»,
Нам не позволит перейти границу возраст,
А у событий просто бешеная скорость
И время жмёт на все педали и винты.

Мне не помогут ни сонеты, ни цветы,
Мне не сорвать в саду Эдема майской розы,
Не танцевать с тобой шотландский нам экосез
И не носить вам мной подаренной фаты.

Наш Рок, любимая, – безжалостное Время,
Течёт незримо, равнодушно и не дремля.

Велик меж нами на дистанции отрыв –
Не нами выдуманы правила игры

И свято чтим мы, как один, параграф первый –
На старте молоды, на финише стары.

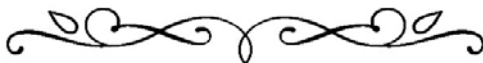

О, если б строчку написать ещё одну мне,
За ней ещё одну и тысячи ещё,
О красоте девичьих и румяных щёк,
О той, что всякий раз мечтаю в полнолуние.

Об инструменте нежном и смычково-струнном,
Что спел бы множество красивых нам вещей –
Мотив любви, что юн и вечен и священ,
Который греки знали, римляне и гунны...

О, эти нежные и трепетные звуки
В строках лирических сонетов и поэм,
В душе рождающие сладостные муки,

И я не сплю почти, почти уже не ем,
И только песни сочиняю о Мадлен,
Её божественные воспевая руки.

Каким горячим было Лето ты и знойным,
Как беспощадны были солнца к нам лучи,
А мне поэму, край, и повесть настроичить
И всё, желательно, чтоб в тютельную и стройно.

А сколько женских силуэтов непристойно
Одетых, с вызовом...И сердце так стучит,
Грозя с подножки, как с трамвая, соскочить,
Но всё ж с соблазнами справляется достойно.

Но быть уверенным нельзя в полене даже,
А мне, покамест, не исполнилось и ста,
Что может быть для нас, мужчин, красотки слаже?

Её застенчивость и нежные уста,
Весёлый голос, как ограненный хрусталь
И волос вьющийся, чернее чёрной сажи.

*Всем женщинам мира с горячей
любовью посвящает Эль Бакуви*

Опять я в белую акацию влюблён
И мысли прут теперь из черепа, как танки,
Выходит буйная фантазия за рамки
И даже сам бываю ею удивлён.

Когда как дикий и ветвисто-буйный Клён,
Шумя бумаг листвою, пою, читая гранки
И вижу взгляд лукавый юной парижанки
С обложки сборника сонетов «Fashion».

Как много девушек прекрасных на планете
И я, мне кажется, уже попался в сети –
Не застрахован ни один ещё из нас
От этих полных колдовства прелестных глаз
И даже возраст в этот раз меня не спас –
Я долгожданную, единственную встретил.

У грозных скал, вблизи седого Океана,
Где волны катятся к земле за валом вал,
Лаская пеною лица её овал,
Слюной зализывая ссадины и раны,

Стоял поэт Востока, сын Азербайджана –
Он в одиночестве стихи свои слагал,
И где-то слышался божественный хорал
И сур отрывки из священного Корана.

Он тосковал вдали от родины, по дому
И песня грустная лилась из-под пера –
Поэт не может жить и мыслить по-другому
Как мир и звёзды эта истина стара...
Сжимала сердце болью тонкая кора
И слёзы горькие подкатывали комом.

Третий день уже снегом заносит селение наше,
Ничего не видать за белесою мутью пурги,
Кто-то глазу невидимый белые водит круги
По земле, глубоко под сугробами снега пропавшей.

Снегу выпало столько, что он уже сделался страшен,
Скоро носа за дверь не покажешь, не то что ноги,
И приходят на память проделки старухи-яги –
Может это она за окном белой ведьмою пляшет.

Всё так тонко и холодно, но и волшебно немного,
Так что даже делиться не хочется этим ни с кем –
Заметают до родственных душ белым снегом дорогу
И теперь уже каждый из нас поневоле аскет –
Прозябает растроченный век, предаваясь тоске,
В лабиринтах плутая безвыходных жизни убогой.

*Кафаровой Самире Эльхановне
с выражением глубокого уважения*

Судьба ли шлёт мне вас мой друг, мой нежный ангел,
Иль случай выдал вас счастливый, как сюрприз...
Я о такой, как вы, мечтал всё время, мисс,
И нет ещё такой от Волги и до Ганга.

Скачи по миру хоть на бешеном мустанге,
Хоть верх исследовать Галактики, хоть низ
И в Голливуде среди звёзд-киноактрис
Нет отвечающей стандартам вашей планки.

О, вы так молоды, мой друг, и так прекрасны,
Что меркнет солнечный порой пред вами луч,
А я, как пасмурный тоскливый день ненастный
Похож на массу серых безобразных туч,
И перед вами рассыпаюсь я напрасно
В делах любви я безнадёжно невезуч.

О, как хотелось, чтоб видение продлилось,
Такие кадры могут быть продуктом сна,
Где люди были б равноправны – Он, Она...
Где нет ни добрых и ни злых, но справедливость

Вершит дела, не зная, что такое милость,
Где в сердце каждом пела б весело струна,
Где ни границ не может счастьем быть, ни дна
И люди были бы высоки и красивы.

Но, как всегда, на интересном самом месте
Прервётся лента и приходится вставать,
По ходу дела продолжая всё же грезить,
И очень вяло против будней бастовать,
И день грядущий потихоньку рисовать
Из противоположных сновиденьям версий.

Порывы северного ветра злы как черти –
Он треплет ветви голых Ив, как космы ведьм,
Саму стараясь раскачать земную твердь
И пылью ровные круги повсюду чертит,

Как некий танец, исполняемый в балете,
Стучит и ломится молекулами в дверь –
Никем невидимый, но очень сильный зверь –
Виновник многих катастроф и бед на свете.

Но как бы жили мы без батюшки Эола,
Опять бы в мире наступил Пермокарбон
И на Земле пустынно было бы и голо,

И вновь жестокий заправлял бы всюду Крон...
Всему живому был бы нанесён урон,
И кто бы нам тогда играл на флейте соло?

Нежен образ в мечтах моих твой и туманно-расплывчат,
Словно вечность легла между нами как жуткий провал –
Был в тебя я, мой ангел, влюблён и ночами не спал
И грозила влюблённость дойти уже до неприличья.

Помню белый большой на постели заправленной лифчик,
Помню бархат руки, той, что с трепетом я целовал,
И лица бесподобно красивого нежный овал,
И померк для меня образ книжный самой Беатриче.

Я люблю современную ту, что пропахла духами,
Что красиво очерчен помадой, как грифелем, рот,
Чтобы музыкой бредила ночью и днём, и стихами,
Чтоб сумела во мне растопить накопившийся лёд,
Чтобы юное сердце в груди полыхало, как пламя
И фантазией страстной меня увлекала в полёт.

***Фарамазовой Махире Мансуровне
с выражением глубокого уважения***

О, как хотелось бы увидеть шёпот камня,
Услышать розы майской тихий сердца стук,
Домыслить музыку стиха, раскрасить звук
И настезь в мир иной открыть глухие ставни.

И не вести себя, как удивлённый странник –
Созвать друзей, хотя и бывших, тесный круг
И самому на удивление и вдруг
На горизонте рисовать цветы глазами,

И сцены жизни, что осели где-то в прошлом,
Что невозможно было к свету там извлечь,
Когда мы жили на земле в эпоху свеч,
И то, что мы когда-то все считали ношей,
И чтоб звучала человеческая речь,
Но так, чтоб было всё красиво и не пошло.

Мне жестокость твоя, признаюсь, до сих пор непонятна,
Что любимая движет тобой или руководит?
Ты собрание собственных чувств отпускаешь в кредит,
Назначая при этом проценты в размере трёхкратном.

Признаюсь, что игра получается очень азартной
И фантазия наша проект за проектом плодит
Ты ведь, милая, в области этой большой эрудит
Не пойми меня только, прошу тебя очень, превратно.

Все мы сдвинуты с рельсов чуть-чуть и немного по фазе,
А в сердечных делах даже взрослые люди смешны,
И рассудка бывают как будто чуть-чуть лишены,
И такое творят, что ни в окна, ни в двери не влазит.
Так и Клер водит за нос меня, как мальчишку, и дразнит,
И смеётся, как будто на мне голубые штаны.

Вода то стынет, превращаясь в лёд зимой,
То устремится паром к небу вдруг, растая,
И всё чудно для нас, когда весна простая,
И всё цветёт и нам не хочется домой.

И пчёл откуда-то внезапно целый рой,
Уже несётся и жужжаньем нарастая,
Пронёсся мимо. И от них уже отстал я,
Любуясь плещущейся в озере водой.

И шелест тихий камыша вбирая слухом –
Как он во влаге по колено шепчет сухо –
Найти пытаюсь гармоническую связь,
Во всём, и к сердцу протянул уже я руки,
Нарушить целостность гармонии боясь –
Унять, унять его восторженные стучи!

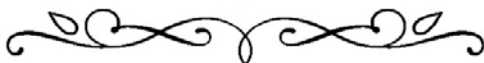

*Уважаемому философу, Фарадовой
Наиле ханум Джамал гызы*

Как удивительна стабильность чёрной ночи,
Объявшей Космос снизу доверху и весь
И только кажется нам неучам, что здесь
Она теряет часть ужасных полномочий –

Всё погрузить в небытие и обесточить
Объекты Космоса, как будто это мечь,
Разлить, где только есть возможность, эту смесь,
И правду встретив, запятнать и опорочить.

А свет так робок и как будто бы случаен
Он так и жмётся бедолажка по углам,
Не зная собственного, кажется, начала,
И в недрах Космоса высвечивая хлам,
И есть уверенность уже у нас, что там
Ни места нет для человека, ни причала.

Любимому сыну Юсифу посвящается

...Писать, работать, создавать – какое счастье!
Свои идеи трансплантировать в иных,
И маслом на холстах писать полотна-сны,
Где сам являлся бы и целым ты, и частью.

И выражать в стихах свои капризы-страсти,
Январской стужей создавать приход Весны
И фантазировать цветение сосны,
Что новогодний бал в лесу могла б украсить.

И звёзд сияние, и бархат чёрной ночи –
Всё сконцентрировать в сонете небольшом,
В стихотворенье из четырнадцати строчек,
Что с восхождением Луны на ум пришло
И был бы слог его внезапностью порочен,
И завершался бы он словом «Хорошо».

Елене Николаевне Деревянко посвящает автор

Морской волны белела грудь ажурной пеной
И туго стягивал бюстгальтер кружевной
Литые перси. И мечтая над водой,
Я вспомнил образ одноклассницы – Елены.

Немного этаких красавиц под Луной,
Веков припомнить может бешеная смена
И я, как мальчик до сих пор, в объятьях плена,
В который все мы попадаемся весной.

Ты до сих пор ещё красива как цветок –
С годами образ твой не сделался расплывчат –
Движенья плавны и спокойны, взгляд улыбочив,
И как всегда, в руках батистовый платок,
И я сказать хочу, минуя неприличья,
Что до сих пор в тебя влюблён, как юный Блок.

Я сам к себе теперь порой несправедлив,
Ко всем вопросам мелочлив и скрупулёзен,
Привык усматривать во всём к себе угрозу,
И занимаюсь каратэ по Брюсу Ли.

И всем сырам теперь предпочитаю козий,
А мемуарам всех времён – дневник Дали,
И проживая здесь, от родины вдали,
Пишу печальные стихи, поэмы, прозу.

Я весь как будто соткан из противоречий
И плоть как будто вся на мне обнажена, –
Совсем недавно Клер была ко мне нежна,
И были счастливы мы с ней по-человечьи.
У Клер божественные, мраморные плечи
И вот сегодня мне опять она нужна.

О, как плавны твои движения, Селена,
А профиль в точности такой, как у Мадлен –
Быть может, в вас какой-то одинаков ген
И кровь одна течёт в холодных ваших венах.

Как стены мраморные метрополитена,
Гладки округлости молоденьких колен,
И как из тонкой и морской ажурной пены
Плету узор я восхитительных катрен.

Вы обе холодны ко мне до безразличья –
Капризов мало ли в характерах девичьих,
А я в обеих в вас по-прежнему влюблён,
Да так, что зельем будто неким опоён,
И звуки ваших романтических имён,
Приятней слышать мне, чем нежное каприччо.

О, как вы холодны ко мне, моя Фиалка,
Как будто не было меж нами теплоты
И словно не были когда-то мы на «ты»,
И день как будто бы и ночь не Вас я алкал.

Не зря накаркала нам чёрная гадалка,
В руках увидев наших жёлтые цветы,
Как вещей ворон или может быть, как галка,
Что нам в любви своей не миновать беды.

Ах, как жестоки иногда к влюблённым боги,
Меж нами сея разногласья и раздор,
Плетут бессмертные причудливый узор
Для судеб наших, восседая в белых тогах.
И наш мирок, как в колбе, тесный и убогий
Им подчиняется, по сути, до сих пор.

Я сегодня уже не такой, как вчера и как прежде,
И в деяниях точно архангел стерилен и чист,
Шевелюра, усы, борода – точно ватманский лист,
Руки милой Мадлен вспоминаю всё реже и реже.

С нею был я всегда как с фиалкой и лилией нежен,
На весёлые выдумки был для неё как артист,
Исполняя отдельные вещи репризой, на бис,
И всегда оставался спортивным, подтянутым, свежим.

А теперь всё повисло на мне, всё – и мышцы и кожа,
И к прекрасному полу желаний источник иссяк,
О дверной опираюсь, всё чаще, руками, косяк,
И всё реже витаю в мечтах о супружеском ложе.
Засыпаю, насильственно образ мне милый гася –
Блеск чарующих глаз, стройность дивных, божественных
ножек.

Как долго не было на сцене вас, маэстро,
И зал притих, как никогда, и полупуст,
И вот слова уже слетают с ваших уст,
Подобны звукам нежным струнного оркестра.

Вы говорите нам в стихах о Клитемнестре,
И в интонациях уже печаль и грусть –
Ореста образ в красках ярок, жив и густ,
И занял каждый персонаж своё здесь место,

И зал скандирует уже – «Маэстро, Bravo!»,
В стихосложении гроссмейстер вы и асс,
Вы столько сделали уже для грешных нас,
Что весь Баку бы мог служить для вас оправой
И мы надеемся – настанет день и час,
Когда б вы стали коронованы по праву.

Иссяк божественный источник вдохновений,
Несносных будней прозаический поток –
Уносит всё, и Солнце в серое облёк,
И меркнет в тягостном плену мой светлый гений.

Уже предметы и события как тени,
Уже язвительнее делается слог,
Железом сковывает боль суставы ног,
А сон составлен из таинственных видений.

Но должен многое в поэзии я сделать,
И в прозе надо бы порядочно успеть –
Хочу поэму о любви к богине спеть
И лист в каракулях уже поэта, белый,
И вижу текст уже готов почти на треть,
И так красиво озаглавлен мною – «Эла».

Луна, как краешек монеты золотой,
Сияет блеском свежавыбитой чеканки
И звёзды, точно над украинской Диканькой,
Лукаво щурятся Оксанке молодой.

На крышах снег лежит белеющей копной,
Заросший дед к утру готовит внуку санки.
Мороз нешуточный ещё снижает планку,
И волк тоскливо спел под старую сосной.

Пейзаж украинский и красочен и ярок,
Картина сказочная Гоголю подстать,
А вот покрытая платком пуховым мать –
Типичный образ сельской женщины – доярки.
Ей не до сказок, не до сна, не до подарков –
Мычат в хлеву коровы – некогда ей спать.

Я очарован вашей знойной красотой,
О, если б шанс иметь один мне на успех,
Но я старею беспощадно, как на грех,
И как любовник даже фартинга не стою.

От вас, любимая, ни пикселя не скрою,
Хоть в вас способно это вызвать дикий смех –
Я глаз кладу почти на каждую и всех
И даже плыть готов в ладье за Леной в Трою.

Скрутить способна нас красавица любая,
Пусть даже будет нам под восемьдесят лет –
Какая разница блондин или брюнет
Коль в дело вяжется Мадлен, Фатима, Рая.
Сбежать и спрятаться – задача не простая –
Для нас спасения от чар красавиц нет.

Вопрос взаимоотношения полов
Глубок, да так, что мог бы называться бездной,
И точно так же, как и всюду, друг любезный,
Мы наломали в этой чаше кучу дров.

Закон людского общежития суров
И совершенствовать его для нас полезно,
Тогда и жить нам вместе было бы не тесно
И все б избавились от рабства и оков.

Как можно было до сих пор терпеть такое,
Где человеку человек холуй и раб,
Где «слабый» пол на положении изгоя,
А интеллект катастрофически наш слаб,
И что скрывать, ведь женщин плоть и ныне даже
Для нас предметом служит купли и продажи.

Смотрят с древнего дагерротипа, потёртого молью
Пара женских красивых задумчивых ласковых глаз
И от собственных переживаний удушливый спазм
Душит горло моё, истязая слезовою болью.

Как похожа она на мою несравненную Олю –
Тот же перстень красивый на пальце и вправлен алмаз...
Чтоб такое могло, интересно мне, связывать нас
И никак, хоть убей, ничего, ничего не припомню.

А потом оказалось всё так удивительно просто –
Начитавшись Лабержа, я видел осознанный сон –
Там без памяти был я когда-то в принцессу влюблён...
Это был океан и чарующий сказочный остров,
Здесь титан предавался своим наслаждениям – Крон,
А принцессой была его правнучка Джил Элакоста.

В делах любви придётся взять теперь отсрочку.
Сказать по правде, я давно уже не свеж –
Былой уж нет теперь, как в молодости, мочи
И на макушке чуть проглядывает плешь.

Чего б хотелось, на обед теперь не съешь –
Котлеты, жареный бифштекс, бараньи почки,
Хоть мелко-мелко их, соломинкой нарежь,
Да и беззубье тоже фактор, между прочим.

Без женщин, что не говори, а всё же скука,
И быть поэтому нам в форме надлежит –
Иной трускою утро каждое бежит,
Другой в воде холодной плещется, как шука...
Мечтают все, без исключения, подруги
Сильны чтоб мышцы наши были и упруги.

Осень плакала тихо и листья опавшие прели –
Я спросил у тебя твоё имя, мой ангел, мой друг,
И прекрасных, как день, от меня не отняв своих рук,
Ты почти прошептала мне нежно и ласково – Эла.

Во дворе уже нынче весна, сладко пахнет апрелем,
Слышу сердца в груди характерный настойчивый стук –
И готов, мне так кажется, выдержать тысячи мук,
Только б голос услышать твой звонкий, воркующий трелью.

Даже имя твоё, как источник моих вдохновений,
Я, лелея и холя без усталы всюду твержу,
И уже в своей страсти больной подошёл к рубежу,
И в таинственном сне ты сидишь у меня на коленях –
Там в бесплотных видениях наши влюблённые тени,
Где я руки твои, исступлённо целую, держу.

Какое сильное предчувствие дождя
И третий день уже безмолвье и ненастье –
Болят суставы и особенно запястья
И точно – хлынуло немного погода.

И застаревшие болячки бередя,
Я вспомнил вас – объект любви моей и страсти.
Вы были, ангел, для меня моим причастьем,
Но в вас к любви моей участия не найдя,

Я вновь направил парус к берегам Ядвиги,
Хотя мечтаю о божественной Кёнюль,
Уже теряет управление мой руль
И намечаются на этой почве сдвиги –
В делах любви я аутсайдер высшей лиги,
Хотя в резервах далеко ещё не нуль.

Мне бы только щекой потереться о ваши колени,
Мне бы локонов ваших на пальцах почувствовать шёлк,
Мне бы только на ушко шепнуть вам любовный стишок,
И тогда моему, вы отдались бы с радостью, плену.

Я сейчас в вашу честь сочиняю, мой ангел, катрену
И стараюсь всю, чтобы сделать её хорошо,
И решение сложной задачи как будто нашёл,
И в стихах теперь буду всегда называть вас Исменой.

Ваше имя воспето поэтами в греческих мифах,
И сама вы богинею кажетесь мне иногда.
Наши годы в стремительном темпе бегут, как вода,
В бесконечность, которой придумать нельзя логарифма,
И земной выражаясь, скажу в этом случае, речью
Зов любви для людей во вселенной и в космосе вечен.

Наш приход не всегда замечателен чем-то собою:
Появились, пожили, поели, попили, ушли,
А по ходу спектакля возможно чуть-чуть пошалить, –
А иначе и жить, говорим мы, на свете не стоит.

Со времён неолита и ближе, ну пусть будет Трои
Вечно сыщутся юная Клер или может Жюли
И к которой, при случае, можно всегда подрулить
И которая глазки любому, при случае, строит.

Вот и всё и таков современный наш модус вивенди:
Телевизор, удобное кресло, кусок пирога,
Ревматизмом болеем – окутана шерстью нога,
Можем Маршала слушать часами, немножечко Верди...
И ещё голоса надоевших, как редька, соседей,
И жена, что мечтает всё время наставить рога.

Под кожей век плывут видения и сны –
Продукты зыбкие безудержных фантазий,
Что подчиняются особой только фазе,
А в прочих фазах негативны, неясны.

Здесь фактор, может быть, силён ещё Весны –
Средь нас творит она немало безобразий,
Когда девчата косяками в каждом глазе
И все как розочки, и яблочки красны.

Всё заволок вокруг туман тестостеронов –
В мечтах все женщины уже обнажены –
Сказалось долгое отсутствие жены
И жаркий климат побережья Апшерона.
Но разве быть могу я в этом одинок –
Весною бредить красотой женских ног.

Как Ронсар и Петрарка когда-то блистали сонетом
Мне бы тоже хотелось блистать виртуозно пером
И занять по достоинству ныне пустующий трон,
Чтобы словом я мог прослезить самого даже Сета.

Пусть узнала бы вся обо мне голубая планета
И при встрече друг другу шептали бы все: это он –
Бакуви – поэтической мысли и слова барон
И достойнее нету сегодня на свете поэта.

Звуки слов его музыкой слух нам чаруют и нежат –
У кого ещё есть столь правдивый и ясный глагол?
Он и крона поэзии нашей сейчас, он и ствол
И стихи его вечно юны, как бутоны, и свежи.
Но как часто бывает такое на жизненной сцене –
Мы поэта при жизни его совершенно не ценим.

Тебе, души моей прекрасная зазноба,
Преподнести хочу я скромный этот труд –
Вовек, поверь мне, строки эти не умрут,
Как и с тобою мы теперь бессмертны оба.

Из всех любимых мной любима ты особо
Я не скажу в сонете, как тебя зовут –
В своей любви признаться царственной особе –
Тогда, боюсь, меня неправильно поймут,

Ведь я люблю в тебе совсем не королеву,
Но белый нежный экзотический цветок,
Тобою вызваны стихов моих напевы
И вязь тончайшая письма волшебных строк,
И как в эдемовском саду нагую Еву,
Я всю красу твою в стихи свои облёк.

Анализ слов, позиций шахматных и чисел
Меня с младенчества чарует и влечёт,
Луча в пространстве траектории расчёт
Мне интересен точно так же, как Алисе,

Приняв на время образ кроличий иль лисий,
Бежать в подземном лабиринте за мячом,
И путь во мраке освещать себе свечой,
Такой же бело-серебристой, словно литий.

Мне интересно состоянье вещества,
Когда по Бору электрон непредсказуем,
А у Дирака по расчётам самым грубым
Миров, включая антимир, в пространстве, два
И я, обмакивая кисточку в слова,
Пространство, время и материю рисую.

Уж если что-то воровать, так миллион,
А если женщину любить, так королеву!
И я влюблён в одну из них сегодня, в Севу,
Но сомневаюсь, может это только сон.

Природы-Матери незыблемый закон:
«Адаму вечно пребывать в силках у Евы»
За то, что яблоко сорвал когда-то с древа,
Что съесть им с Евой посоветовал дракон.

Да ради этой рафаэлевой Мадонны
Готов забыть я всех красавиц до одной
И серенады петь готов ей под луной,
И красных роз дарить ей нежные бутоны,
И пить поэзию из глаз её бездонных,
На всё согласие дав, при сделке с Сатаной.

*Прекрасной Севинчи, с
любовью посвящает автор*

О, как Ваш образ милый хочется воспеть мне,
Как это делал португалец Бокаже,
Простой и вечный для поэзии сюжет,
Успешно бардами используемый в песнях.

Но не всегда выходит нужное, хоть тресни,
И сдуру кажется, что выдохся уже,
И листьев белых исписал в пятьсот сажень,
И очень хочется чего-нибудь чудесней.

Но вы, мой ангел, Вы настолько хороши,
Что слов достойных не могу найти к сонету
И только вам скажу сугубо по секрету,
Что вы цветок и вы кумир моей души
И что в глубоком одиночестве, в тиши
Целую нежно рамку вашего портрета.

Я вновь направил парус в сторону Елены
К спокойной гавани, к знакомым берегам,
Туда, где некогда так жарко было нам,
Где всё помехой было, всё – заборы, стены...

У моря синего, в объятьях белой пены,
Тела всецело вверив ласковым волнам,
Под крики чаек, под хохочущий их гам
Мы были также беззаботны, как эвглены.

Едва за двадцать нам тогда перевалило
И столько было в нас энергии и сил,
Что шар земной под нами мог сойти с оси.
Я, «мотылёк» ей говорил, она мне – милый,
И Мать-Природа нам любовь свою дарила –
Прекрасной юности волшебный эликсир.

Я пылким сделался, как некогда Ромео,
Хотя, признаюсь, мне уже за шестьдесят
И мышцы тела кое-где уже висят,
Но ведь на что-то же надеяться я смею?!

Как удивительно, что встретились мы с нею –
Природа хмурилась мне, пальчиком грозя:
«Мужчинам долго жить без женщины нельзя»
И подослала мне одну, Богиню – Севу.

Черна волос копна волнистых, словно море,
Во взгляде женщин всех суммирована страсть –
Под иго Феи этой стоило подпасть
И я подпал мгновенно, кто ж об этом спорит...
Одна из многих романтических историй,
И я сонет решил об этом написать.

Я давно уже страстно влюблён в образ твой, Беатриче,
Но не в тот, что когда-то талантливый Данте воспел –
Я не скован известными рамками, более смел
И уже удержать не могу себя в рамках приличий.

Все изгибы твои и бугристостей плавность девичьих
Сотни раз в сновидениях сладких увидеть успел –
Тела кожный покров бархатист твой и розово-бел
И на белом, как чёрная бабочка, шёлковый лифчик.

То Мадлен, то Еленой тебя называю в сонетах –
Вся реальность теперь для меня это форменный бред –
В окружающем мире меня вижу столько примет,
Что решающим будет с тобою для нас это лето
Ты во всё подвенечное, вскорости, будешь одета
И одну над тобой одержу я из славных побед.

Как долго шли с тобой друг к другу мы, Самира!
Меж нами в возрасте огромнейший провал, –
Но в мыслях всё себе я верно рисовал –
Тебя как Ангела, себя же как Сатира.

Запела вновь моя тоскующая Лира
И в мыслях в сердце я тебя своё вобрал
И очень скоро я такой устройю бал,
Где ты по праву Королевой станешь Мира.

И унесёт нас в ритме вальса круг за кругом
Туда, где воздух, лес, где птицы и цветы,
Где я сниму с тебя торжественность фаты,
Где всё сумеем без стыда сказать друг другу
И станет всё предельно сладостно упругим,
И всё в понятия сольётся – я и ты.

Мне нить не вздеть уже в игольное ушко,
Хотя взлезаю на снаряды ежедневно,
И уж конечно, не жениться на царевне,
Хоть и диетой растопил себе брюшко.

Зато написано достаточно стишков
О Клер, об Эле, О Севинчи, о Елене,
О том, что каждая из них равна Селене,
И что за каждой я готов идти пешком,

Хоть до Луны, хоть по экватору – по морю,
Но без любимой чтобы не было ни дня
И каждый, думаю, без слов поймёт меня,
И чтоб ни дня не быть с любимой нам в ссоре
И верность каждой, по возможности, храня,
Держать в секрете планы будущих историй.

Ночь щекочущим запахом трав будоражит мне нервы,
Небосвод до безумия чёрен, прозрачен и чист,
Перед внутренним взором моим обозначился лист
И струёй понеслись непристойностей буйных напевы.

Я в плену оказался у Клер, у Елены, у Севы...
Был прикрыт у красавиц едва животов только низ,
Была пышным фонтаном фантазия этих актрис –
Позавидовать девочкам этим могла б даже Ева.

Всё волшебной неслось каруселью и в бешеной пляске,
Видно оргией этой искусный заведовал Бес –
И уже не сойти бы нам с этих накатанных рельс,
И меня утомили уже эти женские ласки...
Но раздался приказ, чтобы девочки скинули маски
И рассеялось всё, как в тумане, и сон мой исчез.

Структура плоти начала уже стареть,
Но крепок дух ещё во мне закалкой стали.
Способен мыслью обозреть любые дали
И сделать многое мне следует успеть.

Не меньше тысячи сонетов надо спеть –
О Беатриче, о Мадлен, о Клер, о Лале,
О каждой фифочке сказать, о каждой крале
Притом, что времени осталось только треть,

Того, что прожито уже. Не так уж мало,
А если время экономить, то вполне
Его хватило бы на то, чтоб сделать мне,
Что запланировано. Чтобы всех пробрало,
И чтобы имя Бакуви везде звучало
На постсоветской поэтической волне.

Уж если женщина к сонету безразлична,
Уж если к Моцарту мы стали холодны,
Предпочитая клипы радиоволны,
Считая классику отжившей и вторичной,

Уж если Данте нам давно не симпатичен
И прозаичен жёлтый краешек Луны,
Рельеф не манит взора девичьей спины,
Когда под платьем обозначен тесный лифчик,

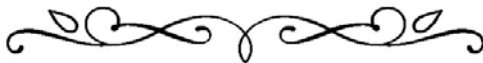
И если женщина сама уже способна
Себя, без мужа, в общем... оплодотворить,
Тогда, простите мне, о чём тут говорить,
Когда мужик уже подобен булке сдобной...
Уж лучше стать тогда червём анаэробным,
Чем человеком лишь по номиналу быть.

К спокойной гавани, к знакомым берегам
Любовных бурь меня остатками прибило.
О, как здесь тихо и надёжно, как здесь мило –
Я снова, милая, припал к твоим ногам.

Всегда уютно здесь, а я то тут, то там,
Скитаюсь, попусту растрчивая силы,
И вот мой час уже, наверное, пробило,
Когда всё следует расставить по местам.

Но ты, простишь ли мне измен моих коварство
Я виноват перед тобою, хоть казни,
Не слушай этой литераторской мазни, –
Поэты вечно излагали мысли красно,
Скажи лишь только, что взываю не напрасно
И умоляю, так как прежде, не дразни.

Волос волнистых шёлк таинственен и чёрен
И глаз искристо-колдовских чарует блеск,
Во мне эмоций вызывая бурный всплеск,
И я красавицей сражён уже под корень.

Как раб, у ног её божественных покорен,
Во власти чар её я целиком и весь –
Ещё никто таких не видывал принцесс –
На что угодно, хоть сейчас, могу поспорить.

И эта женщина моя уже всецело,
И я над нею полноправный властелин –
Она в руках моих, как мягкий пластилин,
Покорна стала мне теперь душой и телом.
И я влюблён уже в мою Богиню – в Севу,
Как был влюблён в принцессу юный Аладдин.

Ноль один сорок семь. Тихо всходит Луна,
Тяжело, как бы вся из свинца или ртути,
За окном серебрится гранатовый прутик,
Весь в пупырышках почек надутых. Весна.

Пахнет свежестью трав и землёй – не до сна,
Память песню Лоретти назойливо крутит...
У развилки я вновь, как всегда, у распутья –
Их так много, в то время как жизнь одна.

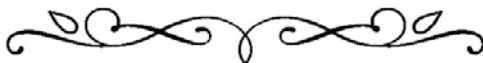
В жизни всё у меня, как из шахматных партий –
Вилка, связка, угроза, ловушка и шах.
Трудно жить на Земле, не любя, не греша,
Даже если ты чокнутый и математик,
Но на век наш любви и девчат ещё хватит,
Лишь бы только об этом просила душа.

Всю растительность тела покрыл серебристый мне иней,
Плоть вонючим повисла тряпьем, как безжизненный куст,
Давит прессом жестоким на плечи убийственный груз
И единственный выход нашёл я в cerebroлизине.

Время сонно и медленно тянется, словно резина,
Как дорога в далёкий, зачуханный Экибастуз...
И уже мой компьютер, как чистке подвергшийся, пуст,
Как сплетённая нынче из ивовых прутьев корзина.

Солнце жизни, достигши зенита, сползает к закату,
Значит нужно уже подводить мне какой-то итог.
Говорить, что по жизни я сделал уже всё, что мог –
Делать времени даром пустую, ненужную трату –
Я ещё покажу себя миру, как сильный оратор,
У которого яркий, блестящий, отточенный слог.

***Очаровательной Айгюн, с которой мы
познакомились на узенькой дорожке и в
которую я влюбился с первого взгляда...***

Из стеблей красных роз и белоснежных лилий
Сплету невиданной красоты тебе венец,
Чтоб видел шар земной и видел бы Творец,
Кого сегодня Бакуви назвал любимой.

Пишу признание в любви в особом стиле,
Хотя по возрасту тебе почти отец,
Но видя в будущем слияние сердец,
Хочу назвать твоё божественное имя.

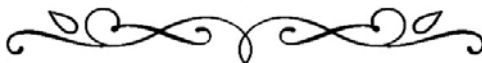
Оно дурманяще-восточное – Айгюн,
Оно чарует как мотив волшебных сказок,
Как Солнца луч, как яркость блещущих алмазов,
Оно красиво, как сиянье сотен Лун,
И как в сонете недосказанная фраза
Твой образ мил, очарователен и юн.

Я в вас влюблён уже давно душой и сердцем,
Но признаюсь вам в этом, ангел, лишь сейчас,
Когда огонь во мне давно уже погас,
Оставив пепел недосказанных сентенций.

На свете нет таких Парижей и Венеций,
Куда бы мог я пригласить, мой ангел, Вас,
Где можно было б скинуть лет моих балласт
И возле вас душою страждущей согреться.

Но перед нами есть Вселенная и Космос,
И вечность есть ещё, любимая, у нас
Мы сохраним её как в жизни – про запас,
Как гречку, соль, как кукурузу или просо.
Оставим строго рассуждающую прозу –
Мы лучше с вами посетим седой Парнас.

Я внесу твоё имя, Самаира, в поэзий анналы,
Ты царевною станешь моей, я – твоим королём.
Мы одну из прекраснейших песен дуэтом споём
Про цветы и любовь, чтобы жизнь прекраснее стала.

Я дорогу к тебе проложу через горы и скалы,
Даже сам Океан не страшит меня как водоём,
Только б знать, что сегодня мы станем с тобою вдвоём
Женихом и невестой весеннего нашего бала.

Вальсы Штрауса будут играть нам большие оркестры,
Толпы знатных гостей будут тосты нам произносить
И вино за здоровье твоё и моё будут пить,
И закружит нас танец любви и желания presto,
Телевиденье, радио будут о нас говорить,
И прославит весь мир в этот день жениха и невесту.

Моей дочери Иджран с любовью посвящаю

В разлуке прожил я с тобою столько лет,
Моя Весна, моя сирень, мой ангел нежный,
Люблю тебя, моя дочурка, как и прежде,
С того мгновенья, как явилась ты на свет.

Из горьких слов слагаю сотый свой сонет,
Примерив вечности к себе уже одежды,
И каждый день и каждый час живу надеждой,
Что ты приедешь... А тебя всё нет и нет.

Как папа Горио несчастен я и сир
И где цветёт теперь, не знаю, мой цветочек,
Неужто каменны сердца красивых дочек,
Тогда пусть проклят будет страшный этот мир,
Услышав боль мою из этих чёрных строчек,
За то, что держит друг от друга нас вдали.

Я искал тебя всюду, любимая, здесь, в этом мире
И сегодня, признаться хотел перед всеми, – нашёл.
Как я долго к тебе во Вселенной, с надеждою шёл,
Всю изъездив её, – по длине, высоте и по шири.

Я пришёл к ней сегодня, к единственной, к нежной Самире,
Но меня ожидал здесь холодный безжалостный шок,
И по сердцу меня резанули как будто ножом,
И как будто струну оборвали божественной Лире.

Как устал я от Вас с вашим глупым и зверским садизмом,
Как устал я от вашего хамства, от мерзких речей,
От напыщенных чванством невежества бородачей,
И от ввевшихся в поры вам жизненных анахронизмов.
Я не мог ожидать здесь подобных случайных сюрпризов
И считаю, что тайм закончился просто ничьей.

Осень музыкой цвета в пространстве разбросив эскизы,
Сыплет краски в безумии танца на площадь холста,
А идея картины её гениальна проста,
Без загадок, что скрыл Леонардо в устах Моны-Лизы.

Мы в оценке искусства порою бываем капризны
И в развитии нашем момент, безусловно, настал –
Обнаружить шедевры уметь, скажем, десять из ста
И понять, что в природе вещей неизбежны репризы.

А красавица Осень, прощаясь с собою и Летом,
Сыплет щедрой рукой акварелью и маслом на холст,
В справедливом предчувствии скорых и горестных слёз
И от слов, что написаны кровью бакинским поэтом...
И смеётся дурашливо, кудри раскинув при этом,
Что халатик цветастый из шёлка с неё уже сполз.

Забыто многое уже, уже забвеньё,
Картины детства обволакивает тьмой,
В июле ноги стынут, точно как зимой,
Но вот ещё одно пишу стихотвореньё,

Жуя салаты овощные и коренья,
В надежде женщину любимую домой
К себе, наверно, привести уже зимой,
Когда потянет на борщи да на варенья,

Которых мать её грозится нам сварить –
Мы заказали ей смородину натёртой –
Её на рынке продают всегда два сорта,
Но с папой – с тестем нужно переговорить,
И лучше было бы пока его не злить
И каждый день ходить с цветами к ней и тортом.

*Подражая великому португальскому
поэту ду Бокаже*

Я выпил горький эликсир из жизни кубка
И говорю: он отвратителен на вкус,
Я осушил его до дна и кубок пуст...
Как в жизни нашей ненадёжно всё и хрупко!

Нигяр недавно я назвал своей голубкой,
Но Рок нанёс в ответ отравленный укус,
И мне так кажется уже, и я боюсь,
Что мне не встретить больше эту забывку.

И так всегда. Судьба опять ко мне жестока.
Уже хотел любимой сердце подарить,
Но Рок невидимой рукой обрезал нить,
Вонзив кинжал холодный в сердце мне глубоко,
Пытаясь будто бы за что-то отомстить,
Хотя и сам не видит в этой мести прока.

Гримасой судорог жестокого припадка
Свело черты мои и мускулы лица,
Закрылись веки, как под тяжестью свинца
И мыслям тотчас стало муторно и гадко.

В сонете формой сжато всё – предельно кратко,
Пусть даже речь сия исходит от истца.
Тогда я полон был предчувствием конца
И сердце жалобно заныло под лопаткой.

Мне нанесли такой удар, что жутко вспомнить –
Коварно, холодно, лукаво и хитро,
Как мир, подобное, должно бы быть старо,
Но мы до сей ещё поры тупы и тёмны,
Хотя коллайдер возвели уже Адронный –
Частицам ядерным исследовать нутро.

Как любимая, вряд ли ещё кто-то сердце нам ранит,
Взглядом душу разя безразличным, холодным как нож,
И меня до сих пор продирает морозная дрожь
От моих невесёлых и горестных воспоминаний.

Все капризы её я предвидел давно и заране,
Схему действий имея как будто, и некий чертёж,
Профиль был её чем-то ужасно с Джокондою схож,
Но не мог я заранее знать, что моей она станет...

И теперь ещё милая мне выставляет капризы,
А ведь нам уже стукнуло с нею почти по... тук-тук.
До сих пор я влюблён в красоту её бархатных рук
И в божественный облик её, как в двойник Моны Лизы,
И пишу с неё, как Леонардо когда-то, эскизы
В поэтический сборник с красивым названием «Круг».

*Прекрасной поэтессе Наджибе ханум Илькин
с большим уважением посвящает автор*

Среди многих красивых, божественных женщин Востока
Есть одна, о которой слагаю прекрасный сонет, –
Предо мной в твёрдой рамке её глянцевитый портрет
И уже на бумаге о ней появляются строки.

Цицерон бы воскликнул в сердцах: О, великие Боги!
Сколько в женщине этой и явных и тайных примет...
Да, Наджиба ханум наш лирический нежный поэт,
Поэтесса, прошедшая в жизни большие дороги...

Белый чудный цветок, что расцвёл на окраине мира,
Что способен дарить окружающим свет и тепло,
В тонких пальцах волшебно поющее держит стило,
А прекрасный божественный лик создан как из эфира.
Машет белой рукою над миром, как ангел крылом
И поёт о прекрасной любви на земле её лира.

Поэта к песне вдохновить лишь ты способна,
И ты, мой нежный, мой тропический цветок,
Внушаешь старцу Бакуви любовный слог,
А наш тандем пока является лишь пробным.

До встречи с вами, мой кумир, я был холодным
И в одиночестве, без женщины, продрог.
В сердечном взгляде вашем чувствую пролог
К любви, взаимности и чувствам благородным.

Я по сонету каждый день теперь пишу –
Строка за строчкой бьют, как струи из фонтана.
Вы, мой бальзам, и зажила на сердце рана...
Всем вашим близким извиненья приношу
О том, что речь завёл о сватовстве так рано,
Но всё же сердца и руки у вас прошу.

*Мехрибан ханум Алиевой
с уважением посвящает автор*

Мы посетили с вами, ангел, этот свет,
Где всё так чёрство, всё так чёрно и трагично
И в наших судьбах обособленных и личных
Вы – королева, я – прославленный поэт.

Успели в жизни мы оставить с вами след,
Как Данте с юной и любимой Беатриче
Всё глубоко у нас, серьёзно, символично
Как кем-то мастерски поставленный балет.

В нём есть любви моей трагические ноты,
А лейтмотив о том, как мир несправедлив,
И где поэт от обожаемой вдали
Фантазий предался немислимых полёту,
Где время нам уже не поддавалось счёту,
Где я талантлив был, как Сальвадор Дали.

Я, как Дали сегодня влюбчив и талантлив,
И к каждой миленькой меня теперь влечёт,
И как колдун, волшебник, маг и звездочёт
Обозреваю все доступные мне дали.

Мне надо жать теперь уже на все педали,
Чтоб получить суметь на финише зачёт.
Минуты Время в ступе Вечности толчёт,
А мне подъехать ещё нужно к юной крале.

Нигяр, по правде, если молвить, бесподобна
Красавиц таких по свету – поискать!
Но есть проблема у Нигяр – Мегера-мать
С когтями красными и голосом утробным
И я сегодня шар катнул к любимой, пробный
И смею думать, что сумел-таки попасть.

Я каждый день влюбляюсь в новых сеньорит
И сердце рву себе на маленькие части,
Чтоб каждой выделить хоть чуточку бы счастья,
А сердце за ночь отрастает и горит.

Горит во пламени любви и говорит
Стихом, чтоб каждой передался вирус страсти –
Мадлен, Нигяр, Самире, Севе, Лене, Насте
И в сердце каждой я б вошёл, как фаворит.

Всем сердцем каждую из них люблю и знаю,
Что на взаимность я имею некий шанс,
И что по-своему любая хороша,
Что каждой хочется сердечного признанья,
Но я поэзией сегодня слишком занят,
Чтоб так вот ребусы сердечные решать.

Я влюблён в этот взгляд, в этот с родинкой профиль,
В чёрный глянец волнистых и жёстких волос,
В этот чудный кавказский, с горбинкою, нос
И напоры слышны во мне бешеной крови.

Я в любовных делах коронованный профи,
А оркестр красавиц мой многоголос.
Ничего, что щетиной трёхдневной зарос,
Но в любовных делах мои шансы неплохи.

Каждый день пополняется список красавиц –
Претенденток на сердце, на руку, на трон
И во всех я до одури страстно влюблён.
Будет каждая мною, как лошадьё, править
Бакуви ещё мощный седеющий старец
И вполне ещё крепкий и твёрдый, как Клён.

Помнишь утро вставало над тихим и мокрым Парижем –
Мы у Сены стояли, одетой в шершавый гранит,
До сих пор ещё память во мне ту картинку хранит,
Там, где волос твой был подмальчишку красиво пострижен.

За границей тогда побывать было делом престижа,
А влюблённых в Париж чем-то необъяснимым манит
Может тем, что собор Нотр-Дама так грустно звонит,
Или тем, что Париж по сравненью с Венерой к нам ближе.

Было утро. Мы ели с тобой у воды бутерброды.
Было тихо, спокойно, туманно, вокруг не души.
Ты заметила: вид у картины немного фальшив...
А река уносила свои загрязнённые воды.
«Как сегодня глаза твои, милый мой друг, хороши»
Ты ответила: «Это влияние здешней погоды».

За один только взгляд твоих дивных очей,
За улыбку твою лучезарнее солнца,
За любовь и восторженность бурных эмоций
И за родинку чёрную, что на плече.

Я готов отказаться от всяких речей
И тебя ощущать и любить только плотью –
Здесь на грешной земле лет бесчисленных сотен,
Но сегодня я, милая Сева, ничей.

Я ничей потому, что беру передышку,
Потому, что припёрло количество дел –
Я бы физикой света заняться хотел,
Но подобное, думаю, будет уж слишком,
А уколы сердечные девичьих стрел
Заставляют писать меня книжку за книжкой.

Пусть омоют грехи твои, милая, слёзы поэта –
Мы расстались с тобою навек, насовсем, навсегда –
Ты уедешь в другую страну и уже никогда
Не увидит счастливыми нас голубая планета.

Вспоминай наши встречи с тобой, это жаркое лето.
Между нами теперь океаны, моря, города.
Скоро стану седым стариком, отрастёт борода,
И случайно раскрыв на четвёртой странице газету,

Ты узнаешь, что Эль Бакуви пока пишет и жив,
Что тебе посвящает, единственной, дивные строки.
Как страшны они правдой своей, как чисты и глубоки
И как чётко перо обозначило в них рубежи...
И тогда, прочитав обо мне – я услышу – скажи:
«Милый мой Бакуви, как же мне без тебя одиноко».

Я каждый день теперь в кого-нибудь влюбляюсь –
Какое множество здесь выросло цветов –
Прижать к груди из них я каждую готов,
Но возраст давит, как ярмо на шею, каюсь.

Какое слово отвратительное – старость.
И даже если бы исполнилось мне сто
Я новый начал бы в поэзии виток,
Чтоб как-нибудь не показать девчатам слабость.

Мужчина лёгок должен быть, поджар, подтянут,
Он должен сильным быть, и должен меньше есть,
Качать он должен целый день упругий пресс
И раз пятьсот отжаться от земли хотя бы.
Кому я нужен буду весь в морщинах, дряблый
Среди огромного количества невест.

*Прекрасной Самире
с любовью посвящает автор*

Наше счастье так коротко было и так мимолётно,
Что уже безразличен мне мир, безразличен и пуст
Без тебя, моё сердце, мой нежный сиреневый куст
И Земля надоела, как двор неухоженный скотный.

Даже мысли людей затянуло здесь тиной болотной
И такая мне давит на сердце тяжёлая грусть –
За пределы Галактики нашей я вылететь рвусь,
Но на это нужны, очевидно, особые льготы.

Только знай, что в каких бы космических далях я не был
Ты незримо со мною пребудешь всегда и везде –
Мы с тобой улетим далеко, к самой дальней звезде,
Где над тысячью тысяч планет разноцветное небо,
Где фату неземной красоты ты сумеешь надеть,
Где на то, чтоб с любимыми быть докумэнтон нэ трэба.

*Мехрибан ханум Алиевой
с уважением посвящает автор*

Мы посетили с вами мир святой и грешный,
Мой нежный ангел, Королева, мой цветок,
Ваш верноподданный слуга у ваших ног
Строку выводит за строкой о Вас прилежно.

В мирах иных, что с нашим родственны и смежны,
Такой красоты, как не искал, найти не смог,
Видать одну Вас во вселенной создал Бог
Всю из достоинств лишь – из внутренних и внешних.

Я Вас пою, моя гармония и песня,
Ваш нежный лик, Ваш голос сладостный и стан,
Ваш образ Матери и королевский сан,
Ваш разум светлый и поистине чудесный,
На мир и подданных Ваш взгляд небесный
И имя светлое, как утро, – Мехрибан.

Заставить плакать каждого мой слог способен
И всем великим я сегодня не чета –
Пусть скажет каждый, кто хоть что-то прочитал
Из Бакуви, который пишет только кровью.

Пусть скажет глазом не моргнув, не дрогнув бровью,
Как «Позывные...» с нетерпением листал,
И как «Пришелец» всех потом врасплох застал,
Но я вам, милые, не то ещё готовлю.

Хочу в глазах увидеть ваших стыд и страх,
Хочу в сердца вселить пустые дикий трепет,
Чтобы забыли вы о воздухе и хлебе
И всуе слово не трепали бы «Аллах» –
Мы скоро все уже окажемся на небе,
А всё иное превратится в тонкий прах.

Пора любви. Пора цветения. Весна.
Улыбки девушек вокруг друг друга краше,
А я не брит, не чёсан, стар, чумаз, неряшлив,
Но, как и прежде, из-за них лишаюсь сна.

Уже не смотрит на поэта ни одна,
И даже издали платочком не помашет,
Уже седой беззубый и почти что страшен –
Кому развалина подобная нужна.

Но даже клён, зачахший где-то у дороги
С надеждой смотрит каждый день на склон пологий –
Авось появится берёзка молодая
В весеннем платьице из ситца, босиком,
В зелёном кружеве, красавица лесная
Он с ней давно уже и коротко знаком.

К любимой в сердце я сумел-таки запасть,
Она в чаду уже любовном мною бредит.
Стройна, высока и бела – ну в общем Леди...
Как говорится, игроку попёрла масть

Такая девочка – конфетка, вишня, сладсть...
Такую встретишь ли ещё на белом свете!
И эту рыбу, Боже, выдержат ли сети
Мне трудно что-то здесь конкретно предсказать.

Как много девушек красивых в этом мире,
И взглядом каждая мне делает укол,
И я с ума уже от них почти сошёл –
От этой Севы, от Мадлен и от Самиры...
А список девушек становится всё шире
От Виолетт, Сюзанн, Софи до Дориол.

Я сегодня обязан воспеть до небес Цицерона,
Потому что примерный и верный его ученик.
Я в секреты его мастерства силой мысли проник
И наверно, ко мне перейдут его слава, корона.

Видно в детстве не зря меня белой назвали вороной,
Видно чем-то и впрямь выдающийся славен мой лик
И в поэзии мною, достигнут желаемый пик
И природа пред сыном раскрыла из милости лоно.

Пусть звезда Бакуви вознесётся сегодня к зениту,
Пусть божественный дар его служит народам земли,
Пусть в космических далях несут о нём весть корабли

Цицерону сегодня подобен он и Демокриту,
И поскольку в поэзии тоже свои короли,
Бакуви, наконец, обретает заслуженный титул.

Тебе, мой ангел, и кумир моей души,
Признаться хочет Бакуви в любви и страсти
Он у тебя давным-давно уже во власти
И никуда уже теперь не убежит.

Он навсегда и окончательно решил
Рабом у ног твоих до старости остаться,
Твой нежный запах расцветающих акаций
Его и твёрдости и разума лишил.

Теперь я воск в твоих руках – податлив, мягок...
Чего угодно из меня ваяй, лепи,
Как лошадь буйную гоняй меня в степи
И верным псом у ног твоих прекрасных лягу
Ты вместо кости брось мне чёрствую корягу,
Но хоть нарочно, и хоть изредка люби.

*Светлой памяти моей мамы,
Гусейновой Зинаиды Яковлевны,
с сыновней любовью посвящаю*

Товарищ верный мой и мой надёжный друг, –
Ты самый первый мой защитник и наставник.
Как сон младенческий, ещё туманный, дальний
Я вспомнил маму и тепло родимых рук,

Я вспомнил сердца твоего тревожный стук,
Когда я пальчик вдруг нечаянно поранил
И был малюткой от «младенческой» на грани,
Когда чуть было не забрал меня недуг.

В каких краях теперь искать тебя, не знаю,
Моя опора, мой источник и родник,
Чтоб вновь увидеть твой прекрасный светлый лик
Моя единственная, милая, родная,
И чтоб губами я к ногам твоим приник,
Как к вожделенным и святым ступеням Рая.

*Светлой памяти
Нины Ивановны Земцовой посвящаю*

Меж нами вечность пролегла и чёрный Космос
И нам не встретиться теперь, мой милый друг,
Источник наших невообразимых мук –
Разлука с милыми. Во мне вскипают слёзы...

Всё оказалось между нами так не просто
И я, как в карты всё, не думая, продул...
Но помню голос твой и нежность белых рук
И холмик низенький на краешке погоста.

И очень скоро наши атомы сольются
В едином хаосе, в единый пыльный рой...
И в вихре кварков мы закружимся с тобой,
Скоплением звёзд напоминая как бы блюдце.
Прощай, прощай, сюда нам больше не вернуться
Прощай, сирень моя и друг любимый мой.

Моя любовь, моя звезда и королева,
Я посвятил тебе божественный сонет –
Из них последний далеко ещё не спет
И сколько будет их ещё – известно небу.

Ты так прекрасна и юна, мой друг, как Геба,
В душе оставишь ты моей глубокий след
Уже я выжил из ума почти и сед,
Но о тебе мечтаю, ангел, как о хлебе.

О белой сайке, что с румяною горбушкой,
О белых ручках, что нежны, как тонкий шёлк,
О взгляде глаз твоих, что чуть меня не сжёт,
О чёрной родинке на шее, возле ушка...
Моя румяная и сладкая ватрушка,
Как я искал тебя и кажется нашёл.

*Другу моей молодости
Сулейманову Октаю Беюкага оглу посвящаю*

Помню старый Баку и советские мрачные будни,
Помню ветхий завод на окраине самой села –
Современная музыка в тесной нас дружбе свела
Были веселы мы и шальны, как бы не было трудно.

Труд и груды металла, и скрежет назойливо-нудный,
И страна, что к логически верной развязке брела,
Но отдушиной нам и хорошей разрядкой была
Битва групп рокн-рольных и ритмы гитар шестиструнных.

А теперь мы состарились, брат, и не те уж, что прежде,
И всё чаще Судьбу доверяем коварной Надежде,
Неуверенно держит предметы, дряхлая, рука,
И на женщин молоденьких стыдно смотреть уже стало,
Небосвод закрывают грозящие нам облака,
Ледяным и морозным, как белая степь, покрывалом.

***Очаровательному и юному созданию,
нежной как весенний цветок Зюме от автора***

Ты красива одета была по-французски, со вкусом
Тонок маечки чёрной и лёгкой был газовый шёлк
И тебя, показалось мне, я наконец-то нашёл –
Молодую красивую лебедь с косичкою русой

На тебе, дай Бог памяти, были тогда ещё бусы
Или из бижутерии модной чего-то ещё
С нежным цветом в гармонии юных и розовых щёк
И впервые и скромно ты чуточку мне улыбнулась.

И с тех пор о тебе, незабудка моя, мои думы,
Но коварное время меж нами возводит барьер...
Горизонт мой на дальние дали и мрачен и сер
До тебя мне дойти, что пешком пересечь Каракумы...
Лишь портрет в чёрно-белых тонах юной ласточки Зюмы
Созерцаю как некогда Блок или Шарль Бодлер.

*Абдуллаевой Эльзе ханум Рашид гызы
с уважением от автора*

В мире книг, что пылятся на полках годами
В тишине, в одиночестве, в гуще наук
Вяжет внучке пинетки мой преданный друг –
Незаметный хранитель накопленных знаний.

Здесь когда-то знакомство возникло меж нами,
Интересов моих стал известен ей круг,
И в тиши голосов наших сдержанный звук
Мы расслышать способны едва были сами.

Старый ветхий дворец – память прошлого века
Затхлый запах, разруха, обшарпанность стен,
Одинокая книжечка – «Скульптор Роден»
На полу у заброшенной библиотеки.
Здесь работает друг мой и знаний раздатчик
Для меня человек этот многое значит.

Содержание

Şərqin dan ulduzu.....	3
«Реальное с фантастикой переплелось» (О сборнике «Пришелец»).....	8
Предисловие от редактора.....	11
Предисловие от автора.....	14
Отзывы читателей	
Сонеты	
Звезда Востока, красотою дивных глаз.....	24
Луна загадочна, чарующе-нежна.....	25
Сквозь плотный строй и частокол авторитетов.....	26
Как тонок профиль твой, прекрасная Селена.....	27
Скрежещет по стеклу гранатовая ветвь.....	28
В моих стихах слова подобраны, как жемчуг.....	29
За ваш приём, за доброту, за человечность.....	30
Август кончился вдруг, не сказав никому ни полслова.....	31
Жестокий Август вновь жарой на нас повеял.....	32
Мы, моя милая, любимая Элен.....	33
Я за сонетом сочиняю вам сонет.....	34
Вы так нежны, моя прекрасная Фиалка.....	35
Зацвёл миндаль и я, мне кажется, влюбился.....	36
Мы стали с вами, мой кумир, на пиксель ближе.....	37
Лёгкой тенью скользя сквозь ветвистые кроны нейронов.....	38
Примите этот от меня подарок скромный.....	39
Катилось к западу наскучившее Лето.....	40
Этот город уже для меня, для бакинца, чужой.....	41
Мы никогда не перейдём с тобой на «Ты».....	42
О, если б строчку написать ещё одну мне.....	43
Каким горячим было Лето ты и знойным.....	44
Опять я в белую акацию влюблён.....	45
У грозных скал, вблизи седого Океана.....	46
Третий день уже снегом заносит селение наше.....	47
Судьба ли шлёт мне вас мой друг, мой нежный ангел.....	48
О, как хотелось, чтоб видение продлилось.....	49
Порывы северного ветра злы как черти.....	50
Нежен образ в мечтах моих твой и туманно-расплывчат.....	51
О, как хотелось бы увидеть шёпот камня.....	52
Мне жестокость твоя, признаюсь, до сих пор непонятна.....	53
Вода то стынет, превращаясь в лёд зимой.....	54
Как удивительна стабильность чёрной ночи.....	55

... Писать, работать, создавать – какое счастье!	56
Морской волны белела грудь ажурной пеной.....	57
Я сам к себе теперь порой несправедлив.....	58
О, как плавны твои движения, Селена	59
О, как вы холодны ко мне, моя Фиалка	60
Я сегодня уже не такой, как вчера и как прежде.	61
Как долго не было на сцене вас, маэстро	62
Иссяк божественный источник вдохновений.....	63
Луна, как краешек монеты золотой.....	64
Я очарован вашей знойной красотой.	65
Вопрос взаимоотношения полов.	66
Смотрят с древнего дагерротипа, потёртого молью.....	67
В делах любви придётся взять теперь отсрочку	68
Осень плакала тихо и листья опавшие прели.....	69
Какое сильное предчувствие дождя.....	70
Мне бы только щекой потереться о ваши колени.....	71
Наш приход не всегда замечателен чем-то собою	72
Под кожей век плывут видения и сны.	73
Как Ронсар и Петрарка когда-то блистали сонетом.	74
Тебе, души моей прекрасная зазноба.....	75
Анализ слов, позиций шахматных и чисел.....	76
Уж если что-то воровать, так миллион	77
О, как Ваш образ милый хочется воспеть мне	78
Я вновь направил парус в сторону Елены	79
Я пылким сделался, как некогда Ромео	80
Я давно уже страстно влюблён в образ твой, Беатриче	81
Как долго шли с тобой друг к другу мы, Самира!	82
Мне нить не вздеть уже в игольное ушко.....	83
Ночь щекочущим запахом трав будоражит мне нервы	84
Структура плоти начала уже стареть	85
Уж если женщина к сонету безразлична	86
К спокойной гавани, к знакомым берегам.....	87
Волос волнистых шёлк таинственен и чёрен	88
Ноль один сорок семь. Тихо всходит Луна	89
Всю растительность тела покрыл серебристый мне иней.....	90
Из стеблей красных роз и белоснежных лилий	91
Я в вас влюблён уже давно душой и сердцем	92
Я внесу твоё имя, Самира, в поэзий анналы.....	93
В разлуке прожил я с тобою столько лет.	94
Я искал тебя всюду, любимая, здесь, в этом мире.....	95
Осень музыкой цвета в пространстве разбросив эскизы.	96
Забыто многое уже, уже забвеньё	97

Я выпил горький эликсир из жизни кубка.....	98
Гримасой судорог жестокого припадка	99
Как любимая, вряд ли ещё кто-то сердце нам ранит	100
Среди многих красивых, божественных женщин Востока	101
Поэта к песне вдохновить лишь ты способна	102
Мы посетили с вами, ангел, этот свет.....	103
Я, как Дали сегодня влюбчив и талантлив.....	104
Я каждый день влюбляюсь в новых сеньорит.....	105
Я влюблён в этот взгляд, в этот с родинкой профиль	106
Помнишь утро вставало над тихим и мокрым Парижем	107
За один только взгляд твоих дивных очей.....	108
Пусть омоют грехи твои, милая, слёзы поэта	109
Я каждый день теперь в кого-нибудь влюбляюсь	110
Наше счастье так коротко было и так мимолётно	111
Мы посетили с вами мир святой и грешный... ..	112
Заставить плакать каждого мой слог способен	113
Пора любви. Пора цветения. Весна.....	114
К любимой в сердце я сумел-таки запасть	115
Я сегодня обязан воспеть до небес Цицерона.....	116
Тебе, мой ангел, и кумир моей души	117
Товарищ верный мой и мой надёжный друг	118
Меж нами вечность пролегла и чёрный Космос	119
Моя любовь, моя звезда и королева	120
Помню старый Баку и советские мрачные будни.....	121
Ты красива одета была по-французски, со вкусом	122
В мире книг, что пылятся на полках годами	123

Директор издательства “Elm və təhsil”:
профессор Надир Мамедли

Дизайнер: Захид Мамедов
Юсиф Гусейнов

Технический редактор: Ядигар Мирбагирзаде

Подписано к печати 04.09.2018

Формат 60x84 1/16.

Условно-печатных листов 32,5

Заказ № 168. Тираж 100.

Книга отпечатана с готовых диапозитивов
на издательско-полиграфическом
предприятии “Elm və təhsil”
E-mail: nurlan1959@gmail.com
Тел: 497-16-32; 050-311-41-89
Адрес: Азербайджан, AZ 1000, Баку, Ичеришехер,
ул. 3-й переулок Магомаева 8/4